

www.dontsova.ru

Дарья Донцова

Кекс в Большом городе

В мире преступных страстей
Виола Тараканова

ЭКСМО

Виола Тараканова. В мире преступных страстей

Дарья Донцова

Кекс в большом городе

«ЭКСМО»

2005

Донцова Д. А.

Кекс в большом городе / Д. А. Донцова — «Эксмо»,
2005 — (Виола Тараканова. В мире преступных страстей)

Кто-нибудь ущипните меня больно-больно!!! Уже несколько дней мне кажется, что я, Виола Тараканова, сплю и вижу прекрасный сон! По детективам Арины Виоловой – кто не знает, это мой псевдоним, – будут снимать кино! И даже то, что производит сериал кинокомпания под «говорящим» названием «Шарашкин-фильм» меня не сильно расстраивает. Наконец-то я стану настоящей звездой! Однако пока это только мечты, а вот очередной детектив, который нужно на днях сдавать в издательство – жестокая реальность. Но ждать им осталось недолго – я нарыла прямо-таки убойный материал! Причем в прямом смысле этого слова...

© Донцова Д. А., 2005

© Эксмо, 2005

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	16
Глава 4	22
Глава 5	27
Глава 6	33
Глава 7	40
Глава 8	47
Глава 9	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Дарья Донцова

Кекс в большом городе

Глава 1

Если жизнь вдруг начинает осыпать тебя с головы до ног розами, внимательно посмотри вверх, не летит ли с подоконника вслед за ароматными лепестками большой цветочный горшок.

Ночью меня разбудил телефонный звонок. Вытащив из-под одеяла руку, я схватила трубку и, мысленно ругая на все корки человека, который надумал тревожить меня ни свет ни заря, сонно протянула:

– Слушаю.

Послышался писк, треск, потом странный, похожий на кряхтение звук. Я обозлилась и села, нужно на ночь отключать аппарат, но Олег улетел в командировку во Владивосток, и я хотела убедиться, что муж благополучно совершил посадку в аэропорту. Только Куприн должен прибыть на место примерно в шесть утра по московскому времени, а сейчас три ночи, наверное, на том конце провода хулиган, страдающий бессонницей тип, решивший развлечься.

– Это кто? – гаркнула я в трубку. – А ну немедленно отвечайте, у меня стоит определитель номера, сейчас увижу цифры – мало не покажется.

Кстати, я давно собираюсь поставить АОН, показывающий на экранчике номер звонящего, да все недосуг.

Я надеялась, что, услышав мои слова, безобразник испугается, отсоединится и более не станет забавляться с телефоном, но внезапно из трубки раздалось:

– Хэллоу, это госпожа Таракановф?

Говоривший владел русским языком, но слова произносил с явным акцентом.

– Да, – отчеканила я, – Виола Тараканова вас внимательно слушает.

– Простить, пожалуйста, – затараторили из трубки. – Я звонить вам из Америка, только сейчас сообразить, разница во времени есть огромна, у нас день. Ишо раз извиняйт!

– Ерунда, – бодро отозвалась я, – вы мне совершенно не помешали.

– Является ли госпожа Таракановф писателем Ариной Виоловой? – не успокаивался голос.

– Да, это мой псевдоним.

– О, иес! Супер! Восхищение! Разрешите представиться, главный продюсер кинокомпании «Уорнер Бразерс» Поль Смит. Счастлив беседовать с великим литератором.

Я чуть не выронила трубку.

– Кто?

– Я есть владелец одной из кинокомпаний Голливуда, Поль Смит, – забубнил мужчина, – мой мать был русским, иес?

– Иес, – в полном обалдении ответила я, – ферштеен. Простите... э... ай донт спик инглиш... не говорить по-английски...

Вот ведь странность, я давно заметила, что невольно попадаю в резонансные колебания с собеседником; если он заикается, немедленно начну заикаться или, как сейчас, коверкаю родную речь, и уж совсем по-идиотски я начинаю вести себя, если нечаянно сталкиваюсь с прихрамывающим человеком. Очень хорошо понимая, что подобное поведение может быть расценено как прямое издевательство, но все равно мгновенно начинаю волочить ногу. Я делаю это без всякого злого умысла, сама не понимаю, отчего такое происходит. Ну с какой стати я сейчас произнесла глупость? «Не говорить по-английски». Хотя, по сути, это абсолютно спра-

ведливо, я и впрямь не сумею прочитать Шекспира в подлиннике, да что там пьесы великого драматурга, я не способна даже спросить: «Как пройти к вокзалу?»

– Не есть проблем, – откликнулся Поль Смит, – мой мать был из семьи Трубецких, мы болтать на русском. Наш компаний желать снять фильм по вашей книге «Гнездо бегемота».

– Что?

– О, иес! Сорок серий! Режиссер господин Лукас, он снимать «Звездные войны», о'кей? Слышать про такой кино?

В состоянии, близком к коматозному, я закивала:

– Иес, иес, слышать и смотреть! «Звездные войны» есть супер! Любить фильму!

– Фантастик! – воскликнул Смит. – Сценарий писать вы, о'кей?

– Иес.

– Прилететь в Америка! На год! Мы оплатить все: гостиниц, еда, автомобиль, врач, массажист, психотерапевт, адвокат. Вам только писать! Гут?

– Но...

– Вы не есть довольны?

– Я замужем и...

– Супруг лететь с вами.

– Он работает.

– Ноу проблем, пусть трудиться у нас. Как это... о... не парьтесь, все устроим!

Умение владеть членораздельной речью покинуло меня, осталась лишь способность воспроизводить отдельные звуки, причем в протяжно-воющей манере.

– О... о... о, а... а... а...

– Гонорар за серию пятьсот тысяч.

– Чего? – вырвалось из меня.

– Долларов. Вам данная сумма кажется маленькой? Вопрос обсуждаем!

Теперь мои голосовые связки парализовало окончательно, а Поль Смит, явно не думавший о счете, который телефонная компания выставит ему за бесконечный роуминг, принялся живописать условия, которые писательнице Виоловой создадут в Голливуде. Потом он плавно перешел к творческим проблемам.

– Главную женскую роль играют Джулия Робертс!

– Вау!

– Второстепенную Анджелина Джоли или Николь Кидман.

– Господи!

– Из мужчин Том Круз.

– Ой.

– Брэд Питт.

– Мама!

– И Марлон Брандо.

– Простите, – робко напомнила я, – он умер.

– Кто?

– Брандо скончался.

– Да ну, я не знал, ошибочка вышла, – без всякого намека на акцент заявил Поль Смит и захохотал словно безумный.

Я замерла с трубкой возле уха, а из нее несло:

– Ой, Вилка! Вот уж и предположить не мог, что ты так легко купишься... Ха-ха-ха.

Тут только до меня дошло, что я стала жертвой идиотской шутки.

– Коля! Это ты!

– Ага, – еще громче заржал коллега Куприна Николай Реутов, – а как ты догадалась?

И что было ответить крестину? «Ты обожаешь подкладывать людям «пукательные» подушечки и подбрасывать в чай пластмассовых мух, поэтому очень многие давно перестали звать милейшего Николашу в гости и постарались свести общение с «юмористом» к нулю»? Коля любитель крестинских розыгрышей, он из породы людей, цепляющих вам незаметно на спину табличку: «Стоимость три рубля» или «Продается за договорную цену».

– Не узнала, не узнала, – ликовал Реутов, – завтра народ ухочется, когда про Поля Смита узнает. Ну, Вилка, ты даешь, неужели в самом деле решила, будто твои крестинские дюдюки Лукас экранизировать станет? Ой, не могу, держите меня семеро.

– Я просто подыграла тебе!

– Не ври-ка! Обрадовалась, словно младенец погремущке.

Из глубины моей души вынырнул монстр злобы.

– Ты ради прикола готов не спать, – ехидно отметила я, – надо же, дождался глубокой ночи, вот я и решила не разочаровывать тебя, пусть, думаю, порадуетя, идиот, такие титанические усилия предпринял.

– Да не, – протянул Колька, – охота была ломаться. Куприн тебе велел позвонить.

– Кто?

– Муж твой, или забыла? – снова принялся ерничать Реутов.

– Олег попросил меня разыграть?

– Ну, понимаешь, – объяснил Николай, – он во Владик вылетел, ты в курсе?

– Естественно.

– И вовсе даже не естественно, – захихикал Реутов, – вот тут недавно я занимался одним делом... Представляешь, некая бизнес-вумен вызвала в свою спальню горничную и спрашивает: «Маша, а почему мой муж не откликается, зову его, зову?» – «Так Иван Иванович уж три дня как в командировку укатил», – ответила домработница. На том и успокоились, а потом запашок по особняку поплыл, ну и обнаружили хозяина в подвале, в баньке, уже того, совсем прямо трупом. Во как случается, супружница не заметила, как любимый уехал, поломойка не отследила, когда вернулся. Хотя, с другой стороны, в двухтысячметровом здании хрен друга найдешь. Ты, того, проверяй комнаты, когда Олега два дня дома нет.

– В нашей квартире не затеряешься, – рявкнула я, – и, по-моему, ты сейчас врешь! Куприну и в голову не могло прийти так подшутить над женой.

– Во Владивостоке циклон, – вдруг нормальным голосом сообщил Реутов, – самолеты там не принимают, лайнер из Москвы посадили в другом городе, до Олега ты дозвониться не сможешь, он телефон то ли где-то забыл, то ли потерял. Вот и воспользовался промежуточной посадкой, зная, что я в отделе ночь куковать буду, побежал к начальнику аэропорта, мне звякнул и попросил: «Скажи Вилке, чтобы не дергалась, все хорошо. Как во Владике окажусь, непременно позвоню, только, когда это будет, не знаю».

– С какой стати Олег мне не сообщил? Почему к тебе обратился?

– Так думал, жenuшка дрыхнет, – весело откликнулся идиот, – велел в восемь утра тебе позвонить, а я сообразил, что классный розыгрыш может получиться. Разве я не прав? Клево вышло!

– Просто супер, – рявкнула я и швырнула трубку в кресло.

Наверное, следовало сообщить «юмористу» все, что я думаю о его «шуточке», только какой в этом смысл? Реутов считает, что поступил замечательно, всем весело, прикольно, стебно. Изменить дурака не в моих силах, воспитывать его желания нет, да и не хочу я тратить душу и время на крестина, остается лишь одно: свести общение с Реутовым к нулю.

Вздвoгнув от озноба, я юркнула под одеяло и попыталась уснуть. Я свернулась клубочком, руки обхватили подушку, глаза закрылись, но Морфей не спешил ко мне, в голову, как назло, полезли всякие, не совсем приятные мысли.

Я, Арина Виолова, являюсь писательницей средней руки, детективы мои выходят не особо большими тиражами, но заработок растет. За те несколько лет, что нахожусь на книжном рынке, я сумела обрести своего читателя, пусть не очень многочисленную, зато стабильную аудиторию. Издательство в принципе довольно мною, я приношу не громадный, но опять же регулярный доход и прочно поселилась во второй десятке литераторов, связанных с «Марко», но, похоже, звездой мне никогда не стать. Нет, Арину Виолову иногда приглашают поучаствовать в теле- и радиопередачах и просят дать интервью. Но есть один нюанс... Ток-шоу, идущие по первому каналу в прайм-тайм, или «Русское радио» хотят видеть и слышать Татьяну Бустинкову, Александру Даринину, Миладу Смолякову, Бориса Шакунина, но никак не Арину Виолову, остальные авторы, как бы это помягче выразиться, не их формат, нос не дорос, рожей не вышли. Я – звезда второй категории, осетрина не первой свежести, меня обычно зазывают так называемые кабельные каналы, ну, допустим, приглашают в студию, которая ведет вещание для жителей восемнадцатого подъезда девятого дома Хрюкинской улицы, еще ко мне проявляют активный интерес сотрудники журналов типа «Вестник леса N-ского района» или газеты «Новости нашей клумбы». Всякие там «Эгоист» или «Московский комсомолец» желают иметь дело с топовыми литераторами. Обидно ли мне? Конечно, нет! Впрочем... наверное, я лукавлю. Конечно, приятно увидеть свое лицо на обложке изданий, которые читает вся Россия. Один раз я спросила у Федора, начальника пиар-службы «Марко»:

– Как полагаешь, я сумею подняться на ступень выше?

Федька поскреб в затылке:

– Рыбка моя, тут есть четыре пути. А. Пишешь, как Бустинкова и Смолякова, по восемь книг в год и сажаешь рынок на иглу своего творчества. Б. Обладаешь харизмой Дарининой и ее блестящим умением выдавать бестселлеры, пусть не тьму произведений за двенадцать месяцев, зато каждый раз фейерверк. В. Постоянно светишься в скандалах, бьешь журналюгам рожи, плясешь голая на столе, выходишь замуж за самаркандского верблюда, рожаешь тройню пингвинов. Г. Начинаешь бодро живописать некие подробности, пикантные детали, строчишь книжонки о жизни поп-звезд, олигархов, элитных проституток, ну, типа... «Я бандерша, поставляющая девочек высокопоставленным особам, сейчас расскажу про цвет трусов всех политиков».

Выбирай, что тебе больше по душе.

– Ну, – растерялась я, – ничего не получится. Быстро писать я не умею, до Дарининой таланта не хватает, голой на столе плясать как-то не того, и про Рублево-Успенское шоссе вкупе с кулисами я ничегошеньки не знаю!

– Тогда сиди и не чирикай, – отрезал Федор, – альтернативы нет: либо работа до кровавого пота, либо скандал. Усекла, киса?

– Угу, – кивнула я.

– Ну ладно, кропай по крайней мере пять книг в год, и я тебя раскручу, – снисходительно вымолвил пиарщик, – а коли детективчиков нет, то и вертеть нечего. Не могу же я без конца об одном и том же произведении пиццать. Впрочем... в твоем случае может помочь кино. Ежели снимут сериальчик, продажи пойдут вверх. В общем, работай, котеночек, хватай лопату в лапы и копай от забора до обеда.

Я ушла домой подавленная и вечером даже поплакала в ванной, но потом успокоилась и сказала себе:

– Не хнычь, родная. На сцене тоже есть примы, но ведь без кордебалета действие не пойдет. Исполнительница главной партии просто не способна одна пропрыгать на подмостках два часа, и ей не передать всех эмоций, не удержать внимания публики. Звездой можно стать лишь на чьем-то фоне, значит, моя судьба быть тем самым восьмым лебедем на пятой линии у озера. Может, «птичку» не слишком хорошо видно из партера, но без ее присутствия Одетта-

Одиллия померкнет. Хотя, если вдруг кому-то в голову придет мысль снять сериал по книгам Виоловой...

Усилив воли я запретила себе думать о «звездной» карьере, но после откровенного разговора с Федором мысль о съемках нет-нет да и мелькала в голове.

Гадкий Коля Реутов ухитрился попасть каблуком в самое больное место! Я ведь и впрямь на какую-то секунду представила себя под руку с Томом Крузом, подумала о том, как вылезут из орбит глаза Федора при известии об интересе ко мне со стороны Голливуда...

Сон исчез окончательно, я разозлилась на Олега. Надо же, пожалел жену, не захотел будить, обратился к дуболому Реутову. Ну неужели не сообразил, что Колька воспользуется возможностью и надумает «пошутить».

Понимая, что гнев на Куприна несправедлив, я накрылась еще одним одеялом и неожиданно крепко заснула.

Др-р-р, – взорвалось в голове, – др-р-р!

Я подскочила, словно укушенная осой кошка, и невольно глянула на часы. Полдень! В кресле отчаянно вопил телефон. Тряся головой, я потянулась за трубкой, встать не хотелось, особых дел сегодня нет, нужно просто сесть за стол и положить перед собой стопку чистой бумаги, поэтому никаких мук совести от того, что провалялась в кровати почти до обеда, я не испытывала. Томочка, Семен, Кристина и Никитка на даче, Олег в командировке, домашних хлопот никаких.

Кресло стояло не так далеко от моего ложа, но все же я не дотянулась, подползла к самому краю матраса, свесилась с него, уцепилась верещащий телефон и, не удержавшись, грохнулась на пол, довольно сильно стукнувшись головой о паркет. Трубка заткнулась, я чуть не зарыдала от обиды, вновь услышала «др-р-р» и довольно зло рявкнула невидимому абоненту:

– Ну, говорите!

– Простите, – послышался безукоризненно вежливый, «профессорский» голос, – соблаговолите позвать Виолу Леонидовну, если она, конечно, сейчас не работает.

– Мое отчество «Ленинидовна», – невесть по какой причине обозлилась я на незнакомца.

Самой не ясно, от чего завелась, имя Ленинид никто еще не произнес с первого раза правильно.

– Бога ради, простите, меня неверно информировали, я немедленно уволю помощницу, допустившую столь грубую ошибку.

– Отрубите ей голову, – буркнула я и села на полу, сложив по-турецки ноги.

– Вы писательница Арина Виолова? – не успокаивался мужчина.

– Угу, – пробормотала я, пытаясь встать.

Правая рука оперлась о кресло, левая нога напряглась, но тут невесть почему ступня заскользила, и я вновь шлепнулась на паркет.

– Ой, блин, – вырвалось у меня, – больно-то как.

Я не хамка, но вполне способна при особых обстоятельствах выразиться не совсем парламентским образом. Впрочем, учитывая поведение некоторых парламентариев, мое предыдущее высказывание неверно, ряд депутатов употребляет такие выражанцы и ведет себя весьма некорректным образом.

Ладно, не о том речь, тот, кто не впервые встречается со мной, знает, Виола Тараканова очень редко употребляет сленговые выражения. Но что сказать, если второй раз за минуту бьешься лбом о пол?

– Простите, это вы мне? – удивился «профессор».

– Нет, случайно вырвалось, – закричала я, – сначала с кровати грохнулась, теперь снова свалилась. Что вам надо?

– Разрешите представиться, генеральный продюсер «Шарашкинфильма» Анатолий Голубев. Мы хотим начать производство сериала по вашим книгам.

У меня потемнело в глазах. Ну Реутов, ай да сукин сын! Мало ему показалось, решил доиграть, позвал еще одного идиота, какого-то простака, и, пожалуйста! «Шарашкинфильм»! Он меня за окончательную дуру держит???

– Сорок серий, – пел тем временем «профессор», – хотим позвать на главные роли...

– Тома Круза и Джулию Робертс! – завопила я. – На других не согласна.

– Господи, – икнул киношник, – боюсь, подобное невозможно.

– Ну и пошел тогда в задницу! – рявкнула я и со всей силы шандарахнула трубку о пол. Вверх взметнулся веер осколков, но я не стала хвататься за веник, а пошла в ванную. Вот вернется Олег, мигом пожалуюсь мужу, пусть он заставит подлого Колю купить нам новый телефон, Реутов должен отвечать за свои шуточки.

Глава 2

Просидев в душистой воде около часа, я кое-как привела нервы в порядок и отправилась пить кофе. На кухне надрывался телефон, на этот раз мобильный. Я покосилась на трубку, потом все же поднесла ее к уху: Реутов не знает номер моего сотового.

– Слышь, краса ненаглядная, – заявил Федор, – как житье-бытье? Царапаем рукопись или предаемся любимой забаве?

– Что ты имеешь в виду под любимой забавой? – слегка насторожилась я.

– Ну чем вы, писатели, развлекаться любите, ясное дело, водочкой!

– Глупости, я совсем не пью.

– Да ну?

– Ты же великолепно знаешь, что напитков крепче кефира я не употребляю, с какой стати завел эту странную беседу?

Федор тяжело вздохнул.

– Понимаешь, цыпа, звонит мне сейчас Анатолий Голубев, известный продюсер, и говорит: «Мы задумали делать сериал по книгам Виоловой, скажи, Федюнчик, она адекватна?» Ну я и отвечаю: «Бывает всякое, конечно, кто из нас без греха, капризничает иногда, глупости несет, но в принципе вменяема». А он в ответ: «Сейчас попытался ей позвонить, а мадам сначала с кровати упала, потом вроде с кресла, следом потребовала на главные роли Тома Круза и Джулию Робертс. Скажи, она пьет, ширяется или на кокаине сидит?»

У меня началась икота.

– Голубка, – сладко-нежным тоном пропел Федор, – звезда моя негасимая, золотое перо России, поди сунь голову под кран, выпей рассолу, понюхай нашатырь, лизни черный перец, не знаю, что тебе поможет, но изволь ровно в пятнадцать ноль-ноль стоять в моем кабинете, придет Голубев для обсуждения ситуации. Целую, киса! Пожуй кофейных зерен, чайной заварки, корень петрушки и прими вид человека, то бишь почти нормальной бабы, и оденься соответственно, на продюсера надо произвести хорошее впечатление, никаких тинейджерских джинсов и придурочных маечек с фотографиями собачек, да еще вынь пластмассовые погремушки из ушей. Мне нужна Писательница с большой буквы. Посмотри в журнале «Все программы» на фото Бусиновой, и поймешь, как сегодня следует выглядеть! Да, имей в виду, вот он, твой шанс, синий зайчик счастья, хватай его за хвост! Чего молчишь? Ау, княжна Тараканова, вы потеряли речь?

– Хочешь сказать, что Голубев настоящий продюсер?

– Абсолютно вправдашний.

– И есть контора с названием «Шарашкинфильм»?

– Что тебя смущает?

– Ну... странно звучит...

– Нормально. У студии три владельца – Шаров Олег, Ашкенази Борис и Кинычев Алексей, сложили вместе первые слоги своих фамилий и получился «Шарашкинфильм». Согласен, Уолт Дисней или «Коламбия пикчерз» лучше, но туда нас пока не зовут. Так я чего, говорю Голубеву, что госпоже Таракановой не нравится имечко фирмы и она поэтому не желает иметь с ней дело? Странно, конечно, учитывая твою фамилию...

– Нет! – заорала я, опрокидывая чашку с дымящейся жидкостью.

– Что «нет»?

– То есть «да», бегу собираться! Ой, как больно!

– Кому?

– Мне.

– От известия о съемках?

- Вылила себе на ногу горячий кофе!
- Зачем?
- Случайно!

– Эх, Виола Ленинидовна, – заботливо протянул Федька, – звездулина ты наша, Агата Кристи для сирых и убогих, сколько раз говорено было: не лакай жидкость для мытья окон, не жи галлюциногенные грибочки, не...

Я не стала дальше слушать начальника пиар-отдела, понеслась в гостиную, где около телевизора лежал журнал с фото Татьяны Бусиновой.

Именитая писательница выглядела роскошно. Объектив фотографа запечатлел даму на пороге некоего пафосного заведения, на дальнем плане маячили колонны. Бусинова была облачена в синий костюм, брюки чуть расклешены снизу, пиджачок скрывает бедра, на ногах роскошные босоножки. На шее литераторши сверкало ожерелье из светлых камней, наверное бриллиантов. Волосы ее явно побывали в руках умелого парикмахера. Безупречный педикюр и маникюр. На правом запястье болталась парочка браслетов, макияж неброский, никаких пурпурных губ, ярко-рыжих волос, обнаженного бюста и пирсинга в пупке. Единственная вольность, допущенная топовым автором, – вторая сережка в правом ухе, но она скорее намек на то, что Татьяна молода не только телом, но и душой. Следовало признать – мне до Бусиновой далеко. Впрочем, не стоит расстраиваться. Главное, понять, чего хотят от Арины Виоловой, и попытаться действовать в указанном направлении.

Так, у Томочки имеется замечательный костюм, правда, не синий, а зеленый, но ведь не в цвете дело. Быстрее ошпаренной кошки я принялась носиться по квартире, распахивая шкафы и стуча ящиками, затем выгребла у Кристины из тумбочки примерно пять кило всяческих косметических штучек, схватилась за фен...

Спустя час в зеркале отразилась слегка подкрашенная блондинка, одетая в чуть мешковатые брючки и пиджак с отвисающими плечами. На шее у нее болтались бусы из искусственного жемчуга, на запястье сверкал браслет из горного хрусталя, который не так давно подарили в магазине косметики Кристе, как самой любимой клиентке. На ногах босоножки, принадлежащие той же Кристине, мы с Томочкой не слишком любим обувь на высоком каблуке. Чтобы глаза смотрелись так же ярко, как у Бусиновой, я в порыве вдохновения наклеила на веки искусственные ресницы и теперь взирала на мир, словно мышь из еловых ветвей. Одним словом, косметики я не пожалела, и в целом результат моих усилий можно было оценить как положительный, имелось лишь одно «но»...

Если вы хоть изредка берете глянцевые журналы, то, наверное, видели там материалы, рассказывающие о том, каким образом можно шикарно выглядеть, потратив не слишком много денег. Статьи делаются по одному принципу: публикуется фотография некоей звезды, а рядом сообщается: платье от кутюр – пять, украшения – двадцать, туфли «всего лишь» – одна, сумочка – три. Все цены, естественно, в долларах, да не в сотнях, а в тысячах. На следующем же снимке можно увидеть весьма похожие шмотки и подпись «Это ты можешь»: юбка и блузка – две, ожерелье – триста, туфли – семьсот, сумка – четыреста. Но уже сотни и в рублях. Далее помещены адреса и названия магазинов, где можно приобрести прикид. Так вот Бусинова смотрелась как первый вариант, а я напоминала второй. И еще, очень хотелось прицепить на ухо вторую сережку, но у меня в мочке всего одна дырочка, делать сейчас вторую было явно некогда.

Решив, что все равно произведу необходимое впечатление на Голубева, я спустилась вниз, села в свои старенькие «Жигули» и чуть не скончалась от жары. Хотя чего же я хочу, на дворе первое июля, самое время для тепла.

Включив сигнал поворота, я медленно стартовала, выехала на проспект и моментально захотела пить, причем так, словно неделю брела пешком по Сахаре. Слава богу, сейчас путь пролегал мимо метро, на просторной площади стояло много ларьков. Припарковав «копейку»,

я пошла к разноцветным будкам и через минуту, добравшись до первой, спохватилась. Забыла запереть «Жигули». Впрочем, кому нужна моя развалюха, даже магнитолы в ней нет, я слушаю радио, и потом я ведь отошла всего на секунду.

– Что хотите? – вяло спросила продавщица.

– Бутылочку минералки.

– Десять рублей.

– Вот полтинник.

– Сдачи нет.

– Но мне хочется пить!

– И чего? – обозлилась девушка. – Гляди, пустая касса, бери пять бутылок.

– Мне столько не надо.

– Купи шоколадку.

– Спасибо, но я пришла только за водой, ладно, загляну в соседний киоск.

– Там бытовая химия, – усмехнулась продавщица, – за ней хлеб, нитки, обувь и зонтики.

Я приуныла, но тут мой взгляд упал на симпатичные шарики из розового стекла.

– Это что такое?

– А, ерунда, клипсы, тут же рядом спортзал, а в нем всякие выставки часто проводят, с животными, – невпопад сообщила девчонка.

Недоумевая, какое отношение серьги имеют к собачье-кошачьим шоу, я велела:

– Покажите.

– Гляди, – вытряхнула на прилавок украшения торговка.

Я схватила один шарик, развела в разные стороны лапки, на которых он крепился, и прицепила к уху. Мигом стало больно, пришлось внимательно осмотреть вторую клипсу и удивиться, гладкая поверхность замка имела крохотные зубчики, потому мне и стало некомфортно. Мягко говоря, странная идея пришла в голову производителю. Я вытащила зеркала. А что, ничего!

– Сколько стоят серьги?

– Себе, что ли, берешь?

– Ну да!

Продавщица кашлянула.

– Сорок рублей.

Я кивнула.

– Отлично, вода и украшения – ровно полтинник, без сдачи.

Торговка стала хихикать, но я решила не обращать внимания на глупую бабу и, ощущая себя очень похожей на роскошную Бустинуву, вернулась к машине. Острая боль в ухе стала тупой, а через несколько секунд утихла совсем, лишь иногда мочку вдруг дергала невидимая рука, но это оказалась вполне переживаемая ситуация; главное, что теперь я полностью соответствовала образу, у меня те же украшения, что у Бустиновой.

Напевая себе под нос, я села в «Жигули», повернула ключ в зажигании и с радостью услышала ровное гудение мотора. Моя машина – инвалид, обремененный кучей несовместимых с жизнью болезней, но по непонятной причине лошадка еще бежит, правда, иногда, в самый неподходящий момент, начинает артачиться. И сейчас, когда я расфуфырилась, нацепила каблук, сделала прическу и макияж, коняшка просто обязана заглохнуть, но нет, она бойко тарыхтит.

Мысленно перекрестившись, я схватилась за баранку, включила поворотник, выжала сцепление, воткнула первую скорость и стала осторожно отпускать педаль. Всем ведь известно, если проявить в данной ситуации торопливость, ничего хорошего не выйдет!

– Апчхи! – вдруг послышалось с заднего сиденья.

От испуга я дернула ногой, автомобильчик резво прыгнул вперед и заглох.

– Кто здесь? – в полном ужасе воскликнула я и обернулась.

На заднем сиденье валялось всякое барахло: пара газет, несколько скомканных пакетов, атлас дорог, полупустая бутылка минералки, но, согласитесь, ни один из вышеперечисленных предметов не способен чихать! Может, мне показалось?

Переведя дух, я снова повернулась лицом к рулю, но не успели руки занять исходную позицию, как из-за спины снова послышалось тихое:

– Апчхи!

– Немедленно говорите, кто вы? – заорала я. – И где прячетесь?

– Простите, – прошелестело из-под моего сиденья, – тетенька, не ругайтесь, пожалуйста, и не кричите, а то он меня пристрелит.

В изумлении я уставилась на педали; полное ощущение, что сейчас со мной разговаривает одна из них.

– Кто кого убьет? – сорвалось с языка.

– Гляньте в окошечко, – торопливым шепотом продолжало то ли сцепление, то ли тормоза, – видите дядьку? Ну противный такой.

Я повернула голову и наткнулась взглядом на вызывающе шикарный, вымытый и отполированный до блеска джип. Возле сверкающей, скорей всего, очень дорогой иномарки маячил мужик в бежевом, небрежно измятом льняном пиджаке и таких же брюках. Красный от гнева, он разговаривал по мобильному. Чуть поодаль от барина маялась охрана, втиснутая, несмотря на душливую июльскую жару, в черные костюмы и белые рубашки со старомодно узкими галстуками.

– Это Абдулла, – шептала педаль, – мне просто некуда было деваться, тетенька, простите! Дернула дверь, а она открыта, я ничего не брала, я не воровка, пожалуйста, поедemте побыстрее отсюда, иначе всем худо будет, он еще догадается, куда я шмыгнула, и тью-тью!

Тряхнув головой, я перегнулась через сиденье и увидела сзади на полу маленькую, растрепанную, хрупкую девочку.

Большие карие глаза дитяти испуганно моргали.

– Тетенька, – чуть не плача вымолвила она, – ну, пожалуйста, уезжайте.

Абсолютно не понимая, что к чему, я повиновалась; было в голосе ребенка нечто, заставляющее подчиниться.

Проехав пару кварталов, я припарковалась возле супермаркета и велела:

– Непременно объясни: кто ты, зачем залезла в мою машину и что сделала тому мужику?

Девочка снова чихнула, вытерла нос не слишком чистым кулаком и грустно ответила:

– Меня зовут Ольгунчик.

– Как? – переспросила я.

– Оля, Ольчик, Ольгунчик, – продолжила незнакомка, – как хотите. Вообще-то Ольга Сергеевна Петрова, но мама называла меня Ольгунчиком, папа Ольчиком, а бабуля зайнкой.

Ребенок зашмыгал носом, потом сказал:

– Можно мне из вашей бутылки воды хлебнуть? Вам не жалко будет?

– Конечно, нет, – улыбнулась я, – только стаканчика нет.

– Из горлышка попью.

– Думаю, не стоит.

– Почему? – заворчала Оленька.

– Я сама к нему прикладывалась, это негигиенично.

Ольга тихо засмеялась.

– Я, тетенька, полгода по помойкам ела, ко мне ни одна зараза не липнет, простите, конечно, очень пить охота.

Я повнимательней оглядела неожиданную спутницу. Девочка беспризорница? Но для уличного ребенка она слишком чистенькая, волосы вымыты, расчесаны и аккуратно стянуты

в два хвостика, платьице выглажено, даже накрахмалено, на ножках белые носочки и сандалии. Взгляд Оли, наивно-бесхитростный, не похож на взор оборвыша, цветы улиц смотрят на взрослых по-иному, в их глазах явственно мелькают цинизм пополам с отчаянием, да и речь выдает в малышке девочку из хорошей семьи.

– С какой стати тебе лазить по мусорным бачкам? – не выдержала я.

Ольчик вздохнула:

– Тетенька, пожалуйста, спрячьте меня.

– От кого?

– От Абдуллы.

– Это твой папа? – ляпнула я, но сразу спохватилась: девочка же только что представилась: Ольга Сергеевна Петрова!

– Нет, он меня купил!

Я удивилась.

– Что сделал?

Олечка молитвенно сложила ручонки:

– Тетенька, у вас дети есть?

– Ну... в принципе да, девочка Кристина и мальчик Никита. А почему ты спрашиваешь?

– Пожалуйста, пожалуйста, выслушайте меня, только не подумайте, что я попрошайка, мне деньги не нужны, вы меня просто увезите подальше отсюда или, допустим, за город. Я вам отплачу, оставьте адрес, приеду, квартиру помою, окна, не смотрите, что малышка, я все могу: и копать, и козу доить. У нас дома козочка была.

Я украдкой глянула на часы. Нахожусь буквально в двух минутах езды от нового здания «Марко», до пятнадцати еще целый час.

– Живо рассказывай, что случилось, и я доставлю тебя к родителям.

Большая прозрачная слеза поползла по детской пухлой щечке.

– Их нет.

– Где же твои мама с папой?

– Умерли.

– Прости, пожалуйста, – испугалась я, – не знаю подробности твоей жизни, оттого и ляпнула глупость. Кстати, меня зовут Виола, но друзья называют просто Вилкой. Так что с тобой произошло?

Продолжая судорожно сжимать маленькие кулачки, Олечка завела рассказ.

Глава 3

Давным-давно, в начале 80-х годов двадцатого века, молодой выпускник Сельскохозяйственной академии Сергей Петров получил направление на работу в Среднюю Азию. Может, кто бы и начал сопротивляться, но Сережа безропотно поехал в незнакомое местечко Киртау¹ и обрел там свое счастье, встретил дочь директора школы Леночку и женился на ней. У пары быстро появились дети – два мальчика-погодка. Сергей работал; жена тоже не сидела сложа руки, преподавала в детском саду музыку. Жили в собственном доме с большим садом, под раскидистой яблоней стоял длинный стол, теплыми вечерами часто заглядывали на огонек соседи, никто из них никогда не вспоминал о своей национальности, жили, простите за банальность, одной большой семьей, вместе справляли свадьбы и сообща рыдали на поминках.

Но потом положение изменилось, республика, в которой счастливо обитали Петровы, стала отдельным государством, русский язык превратился в иностранный, а граждане России в оккупантов. Прежние соседи трансформировались во врагов.

Сергей решил не унывать, он за копейки продал дом с садом и вывез семью, так сказать, на историческую родину, в деревню Глазьево. Олечка не помнила момент переезда, ей тогда было всего два года. Зато очень хорошо детская память запечатлела одну картину.

Растрепанная, босая мама выволакивает голую, замотанную в одеяло дочь на улицу, ставит на снег и кричит:

– Олечка, беги скорей к соседям! – а сама кидается в горящую избу, где остались муж и двое сыновей.

Но войти внутрь дома мама не успела: внезапно обрушилась крыша, сложились, упали стены, вверх взметнулся сноп искр.

Оля и мама остались в буквальном смысле этого слова голыми – девочка в одеяле, а мама Лена в ночнушке. В пожаре погибли Сергей, оба мальчика. Естественно, сгорели и все вещи, документы, деньги.

На первое время погорельцев приютила баба Дуня, потом Лене дали комнату в бараке. Кое-как женщина устроилась и начала пить. За полгода интеллигентная преподавательница превратилась в опустившуюся алкоголичку. Сначала ее жалели, местные бабы подкармливали Олю, вздыхая:

– Вот беда, так всякий разум потеряет.

Но потом жалость сменило раздражение, а следом пришло негодование. В бараке, состоящем из длинного коридора и несметного количества комнат, имелся лишь один душ, естественно, за право пользоваться им шла жестокая битва, на двери ванной комнаты висело расписание с указанием не только часов, но и минут: «Петрова – 10.05–10.12». А Леночка, опустившись ниже плинтуса, стала приводить к себе мужиков, те потом лезли в ванную... Начинались крик и драки. Перепуганная Оля убегала во двор и часами простаивала на морозе, боясь вернуться домой: пьяная мама, распаленная скандалом, обладала тяжелой рукой.

Закончилось все просто. Лена схватила сумку, дочь и, сообщив соседям: «Чтоб вы все сдохли, поеду в Москву на заработки», села в электричку.

До столицы оказалось совсем недалеко, и на привокзальной площади Лена мгновенно нашла себе службу, она прибилась к группе строителей, возводивших коттеджи, и стала мотаться с бригадой по объектам. Парни выкладывали стены, Леночка кашеварила и служила общей любовницей, Оля находилась при матери. Ее тоже приставили к делу. Девочка мыла полы и окна. Естественно, ни в какую школу она не ходила, но хозяева возводимых домов, как на подбор, оказались замечательными людьми. Они жалели малышку, давали ей вещи и

---

¹ Киртау – название города выдуманно.

игрушки. Одна тетенька научила девочку читать и писать, другая надавала книжек, третья разрешила жить рядом, и, пока строился особняк, Олечка обитала в соседнем старом доме, набитом под завязку разной литературой, целый год девочка лазила по полкам, с восторгом читая все, что попадалось под руку. В результате к двенадцати годам Оля превратилась в весьма образованную барышню, напичканную сведениями о литературе и истории, вот считать она практически не умела, таблицу умножения не знала, но, с другой стороны, к чему лишние навыки, человечество давно придумало калькулятор.

Для девочки, проводившей время на строительной площадке, не было никаких жизненных тайн. То, чем занимается мама, помимо готовки, Ольга поняла давно. Усекла она и еще одну истину: Леночка проститутка не от голода или нищеты. Стоя около плиты, от истощения умереть трудно; нет, мама просто любит мужчин, и ей все равно, где, когда и с кем. Олечка ее не осуждала, скандалов не закатывала и не пыталась перевоспитать неразумную мамулю. У ребенка образовался совершенно буддистский взгляд на мир: не можешь справиться с обстоятельствами, оставь все как есть. Кому-то достался папа-профессор и мать-актриса, а ей, Оле, вечно пьяная шалава Лена. И что здесь поделаться? Так фишка легла, справедливости и равенства на земле нет.

Из новых жизненных обстоятельств Ольга сделала два вывода: она никогда не прикоснется к бутылке и не ляжет в постель с парнями. Нет, Олечка выйдет замуж за хорошего человека и проживет счастливо.

Потом мама умерла, пошла зимним днем в магазин за бутылкой и не вернулась, нашли ее лишь через трое суток в овраге. Алкоголичка высосала «пузырек», села в снег и заснула. Никакого удивления кончина Лены у людей не вызвала.

Бригада похоронила стряпуху, потом мрачный Петр, бывший у строителей за прораба, недоуменно спросил у девочки:

- И чего с тобой делать?
- Не знаю, – испугалась Оля.
- Документы имеешь?
- Какие? – не понял подросток.
- Метрику о рождении.
- Наверное, у мамы в чемодане лежит, – растерялся ребенок.
- Там лишь одна рванина, – буркнул Петр, – сколько тебе хоть лет, знаешь?
- Вроде тринадцать, а может, четырнадцать, – с сомнением ответила Оля, – а что?
- Вот докука на мою голову, – рявкнул Петр, – не было печали, черти накачали. Ладно,

что-нибудь придумаем.

Спустя месяц на стройку приехала стройная, очень красивая девушка в изящной норковой шубке.

- Собирайся, – велел Оле повеселевший Петр.
- Куда? – напряглась та. – Дяденька, не гоните меня, пригожусь вам.
- Не бойся, дурочка, – слишком ласково ответил бригадир, – это Анна Ивановна, она директор детдома.

– Ой, – заплакала Оля, – не хочу в приют!

Девушка нежно обняла девочку.

– Успокойся, у нас совсем особое заведение, деток мало, ты вообще сейчас одна будешь. Мы подыскиваем ребятам новых маму и папу, добрых, богатых. Ты ведь хочешь игрушек, книжек, конфет?

- Да, да, да, – закивала Олечка, – еще в школу хочу!
- Конечно, – заулыбалась Анна Ивановна, – получишь все, поехали.

И наивная Олечка отправилась с новой знакомой. Самое интересное, что Анна Ивановна сдержала все обещания.

Олю поселили в красивой комнате, одели, обули, причесали, сводили к врачу и оставили наслаждаться непривычным комфортом.

– А когда я пойду в школу? – заикнулся подросток.

– Сейчас найдем тебе хорошую семью, – пояснила директор, – и тогда уж новые мама с папой сами тебя пристроят.

И Олечка успокоилась, новая жизнь нравилась ей чрезвычайно. Анна Ивановна, правда, уходя из квартиры, всегда запирала дверь снаружи, а замок был устроен таким образом, что открыть его изнутри без ключа не представлялось возможным, но Олечке не хотелось убегать. Не было в апартаментах и телевизора с телефоном, однако книжек с игрушками лежали горы, и девочка не скучала, а звонить ей было некому!

Восхитительная жизнь продолжалась пару месяцев, но однажды ночью Олю разбудил шум. Она встала с кровати, подошла к двери и, осторожно приоткрыв щелку, выглянула в коридор. Перед ее взором предстал мужчина, который нес на руках крепко спящую девочку, впереди шла Анна Ивановна. Процессия прошла в комнату, расположенную у туалета, потом незнакомый дядька и директриса вышли, она тщательно заперла дверь.

– Завтра вечером вопрос решится, – сказала Анна Ивановна, – Абдулла ее заберет.

– Она тут болтать не начнет? – хмуро поинтересовался дядя.

– С кем? – удивилась Анна Ивановна.

– С той, второй.

– Во-первых, доза большая, продремлет еще сутки, а во-вторых, дверь заперта, – улыбнулась директриса, – ключи я прячу вот сюда, под картину, на виду не лежат.

– Тогда ладно, – кивнул мужик и пошагал по коридору.

Оля на цыпочках бросилась к кровати. Не успела она нырнуть под одеяло, как в ее комнату вошла Анна Ивановна и шепотом просвистела:

– Олюшка, у тебя все в порядке?

Девочка не ответила, она немедленно сообразила: лучше сделать вид, будто ничего не видишь и не слышишь.

– Спит, – с удовлетворением констатировала директриса и ушла.

Утром Олечка побежала умываться, хозяйки в квартире не было. Не успела девочка, напевая, добраться до ванной, как из-за соседней с санузлом комнаты раздалось:

– Эй, ты кто?

– Оля, – испуганно ответила сирота.

– Че тут делаешь?

– Живу.

– Зачем?

Подростка не озадачила странность вопроса.

– Жду новых родителей, – честно ответила она, – мне Анна Ивановна семью подбирает.

– Слышь, выпусти меня.

– Ой, боюсь!

– Открой дверь!

– Она заперта.

– Ключ поищи, – велел голос, – живей поворачивайся!

Оля покосилась на висевшую в коридоре картину: она очень хорошо помнила, куда Анна Ивановна сунула ночью связку ключей.

– Эй, тебе сколько лет? – донеслось из-за двери.

– Тринадцать, наверное!

– А мне четырнадцать. Скажи, умереть хочешь?

– Нет, конечно!

– Тогда открывай живо!

Оля выполнила приказ и увидела худенькую девочку, растрепанную и сердитую.

– Здорово, – сказала незнакомка. – Я Квашня.

Олечка попяtilась.

– Кто?

– Фамилия моя такая – Квашня, а зовут Лерой. Ясно теперь?

Оля закивала.

– Собирайся, – велела Лера.

– Куда? – снова растерялась Оля.

– Поедем ко мне в Буркино.

– Это что такое?

– Село в Подмоскowie, – сообщила Лера. – Эх, дура я была, удрала от бабки, пьет она по черному, вот я и подумала: лучше в столицу подамся, работу найду, ну и вляпалась.

Фразы вылетали из Леры, словно пули из скорострельного оружия, Оля с трудом уловила смысл речей сверстницы.

По словам Леры со странной фамилией Квашня, Анна Ивановна никогда не работала директором детского дома, она бандерша, содержащая публичные дома. На «мамашу» пашет большое количество «девушек» разной стоимости, есть и трехрублевые жрицы любви, и пяти-сотдолларовые «ночные бабочки». В общем, на любой вкус и карман, но особую ценность для бизнеса Анны Ивановны представляют юные невинные девочки, не старше пятнадцати лет. Бандерша добывает их разным путем. Одни, как Лера, убегают из дома, других продают родственники, третьих, как Олечку, заманивают обманом. Заполучив нимфетку, Анна Ивановна селит ее в специально оборудованной квартире, моет, лечит, одевает, обувает ребенка, а потом, приведя несчастную в божеский вид, продает сластолюбивым дяденькам в качестве сексуальной игрушки. Пару месяцев мерзавец развлекается с малышкой, а потом избавляется от нее. Судьба девочки никого не волнует, ее либо убивают, либо, видя ее покорность, заставляют работать в притоне.

– Врешь, – прошептала Оля, – Анна Ивановна не такая!

– Такая, такая, – закивала Лера, возясь с замком на входной двери, – вот черт! Снаружи заперто! Надо сломать.

– Ой, не трогай, – испугалась Оля.

– Дура! – рывкнула Лера и ринулась в ванную.

Оля, моргая, смотрела вслед новой знакомой, а та притащила пилку для ногтей и, орудуя ею в замочной скважине, пробормотала:

– Сосед Мишка Песков научил меня с замочками бороться. Он на зоне пять раз срок мотал, любую дверь пилкой открывал. Во! Гляди, свобода! Побежали!

Оля затрясла головой.

– Нет!

– Идиотка!

– Я тебе не верю!

– Кретинка! Делаем ноги по-быстрому, – настаивала Лера, но Олечка вжалась в стену.

– Нет, Анна Ивановна пообещала найти мне хороших родителей, я хочу в школу ходить, мне учиться охота.

Лера с огромной жалостью посмотрела на Олю.

– Да уж, научат тебя стопроцентно, только вопрос – чему! Ладно, долго уговаривать не стану. Идешь со мной?

– Неа!

– Спихватишься потом, да поздно будет, – хмыкнула Лера, – ну, покедова! Коли Анна Ивановна привезет тебя к дядьке, толстому такому, лысому, морда красная, глаза навывкате, а на запястье наколка – синий якорь, сразу попытайся удрапать. Это Абдулла, страшный чело-

век, зверь, он кучу девушек убил и тебя тоже пришьет. Запомни на всякий случай: деревня Буркино, Валерия Квашня, бабушку мою Анастасией звать, нас на селе все знают. Надумаешь удрать, рви когти на Курский вокзал – и ко мне!

Сказав эту фразу, Лера шагнула за порог и исчезла. Дверь она предусмотрительно заперла за собой снаружи. Оля осталась в коридоре, голова у нее кружилась, девочка не поверила Лере.

Ну разве милая Анна Ивановна способна на подлость? В полном смятении Олечка пошла на кухню, увидела открытую дверь в комнату, где сидела Лера, и испугалась. Что она скажет директору, а? Кто выпустил пленницу? Ох, влетит Оле по первое число! Еще откажутся ей родителей подбирать!

Олечка сначала впала в панику, но потом в голове возник план, девочка схватила с дивана плед, привязала к нему простыню, пододеяльник, скатерть, сдернутую со стола, бросила сооруженную «лестницу» за окно, потом заперла дверь снаружи, осторожно засунула ключи под картину и ушла к себе.

Анна Ивановна заявила около десяти вечера и спросила:

– Как дела?

– Хорошо, – ответила Оля.

– Тебя никто не тревожил?

– Я же одна дома, – прикинулась дурочкой Ольга.

– В соседней комнате девочка спит, – пояснила Анна Ивановна, – утром я не предупредила тебя, не хотела будить. Очень неприятная особа, лживая такая, она обокрала приемных родителей, вот и пришлось ее забрать. Укол успокаивающий ей сделали: воровка драться стала, когда за ней пришли. Крайне агрессивный, неблагодарный ребенок. Ладно, отдыхай, сейчас я к пакостнице загляну, а чуть позднее мы ее увезем.

– Куда?

Анна Ивановна закатила глаза.

– Приемные родители мерзавке отличные попались, простили ее, назад ждут. Ладно, спи, ты-то хорошая девочка.

Оля забралась под одеяло, ей стало страшно некомфортно. Ведь чуяло сердце, что Лера оговаривает директора, ну зачем она сама помогала противной девочке?

Пока тяжелые мысли ворочались в голове у Олечки, в коридоре началась суматоха.

– Так ведь третий этаж, – говорила кому-то Анна Ивановна, – как она не испугалась, по простыне и скатерти!

Оля затряслась словно осиновый листок, но к ней никто не зашел и выяснять отношений не стал, очевидно, у Анны Ивановны не возникло никаких сомнений по поводу того, каким образом Лера ухитрилась выбраться из заточения.

Сегодня утром директорша дала Оле новое красивое платье и сказала:

– Ну, кричи «ура», за тобой приехал папа, в гостиной ждет.

Олечка мигом вошла в обновку, побежала в комнату, распахнула дверь и замерла. В кресле сидел толстый, лысый, красномордый пожилой дядька в бежевом костюме.

– Знакомся, Олечка, – запела Анна Ивановна, – это твой папа, дядя Абдулла, богатый, добрый, красивый... Иди скорей, поцелуй его.

Голос директора был сладким, словно ванильная глазурь, но Оля приросла к полу, ей моментально вспомнилось предостережение Леры.

– А где мама? – вырвалось у девочки.

– Дома ждет, – засуетилась Анна Ивановна, – пирог печет.

– Замолчи, – велел Абдулла, – пусть она топает в машину.

На подламывающих ногах Олечка спустилась во двор и была посажена в тонированную иномарку, вскоре рядом оказался Абдулла. Он плюхнулся на сиденье и стиснул жирной рукой колено девочки. Оля взвизгнула и попробовала выдернуть ногу из цепкой лапы.

Абдулла засопел и навалился на ребенка, тут только до Оли дошло, что Лера Квашня говорила правду.

Потные ладони шарили по телу, пытаясь сорвать платье, Олечка собрала в кулак всю свою волю и, понимая, что от сидящих на переднем сиденье шофера и охранника помощи ждать не приходится, воскликнула:

– А подарок?

Абдулла остановился.

– Чего?

Олечка захлопала глазами.

– Мне Анна Ивановна сказала, что добрый папа станет мне подарки дарить. Всегда.

Абдулла расхохотался.

– Лады, получишь! Чего хочешь?

– Куклу, – прошептала Оля, – в пышном платье.

Абдулла захихикал и велел шоферу:

– Притормози там, на площади у метро, пойду с дочуркой ляльку покупать! Не обманула Анька, чистый ребенок! Куколку желает!

Выходя из машины, Оля сама ухватила «папу» за руку и стала изображать из себя детсадовку.

– Ой, вот куклениши! Хочу!

Усмехающийся Абдулла довел «дочурку» до палатки.

– Ну, какую берем?

– В розовом.

– Эту?

– Нет, левее.

– Такую?

– Не! Выше!

Абдулла выдернул свою ладонь из кулачка Оли, повернулся к продавцу и начал командовать.

– Сними коробку, шевелись, урод...

Оля тихонько отошла в сторонку и рванулась к метро. Никогда она не бегала с такой скоростью. «Папа» опешил, но потом схватился за мобильный, девочка же, не зная местности, совершила ошибку, она оказалась на парковке и от полного отчаяния принялась дергать ручки оставленных там машин, в голове испуганными птицами бились простые мысли! Надо спрятаться, подождать, пока Абдулла с охранником и шофером уедут, и мчаться к Лере. Курский вокзал, деревня Буркино, Валерия Кваша и бабушка Анастасия. Олечка твердила адрес, словно заклинание, и тут, на ее счастье, одни из «Жигулей» открылись.

Глава 4

Я слушала рассказ Оли, тихо переполняясь негодованием, а потом, когда девочка замолчала, стала задавать ей вопросы.

– Ты совсем без родственников?

– Да.

– И документов никаких?

– Ага.

– Жить негде?

– Угу.

– Деньги есть?

– Нет.

– Как же ты собралась билет на электричку покупать? И в метро бесплатно не пустят!

Оля пожалала тонкими плечиками.

– Ну... пройду зайцем. Через турникет перескочу. Вы меня только до подземки подкиньте.

Я покачала головой.

– Нет.

– Ой, почему? – испугалась Оля, но потом быстро сказала: – Только не подумайте, что я неблагодарная, спасибо огромное, сама до вокзала дойду. До свидания. Как отсюда выйти, ручки нет.

– Она отломалась, – пояснила я, – вернее, от старости отвалилась. Вот что, детка, у меня есть небольшое дело в издательстве «Марко», оно расположено неподалеку, надо поговорить с продюсером, который станет снимать мой сериал, а потом...

– Вы артистка! – восторженно перебила меня Олечка.

– Нет, писательница.

– Ах! Правда?

Я кивнула.

– Никогда не видела живьем тетеньку, которая пишет книги, – пролепетала девочка.

Восторг и удивление ребенка были настолько велики, что я ощутила себя по крайней мере Агатой Кристи.

– Там на сиденье лежит книга, видишь?

– Ага, «Гнездо бегемота».

– Это я написала!

– Вау! Какая толстая! И пахнет здорово, – принялась нахваливать издание Олечка, – вы круче всех смотрите.

Девочка явно хотела мне польстить, а детективщицу Виолу раздирало желание похвастаться хоть перед кем-нибудь известием о сериале.

– И вот теперь они начнут снимать кино, – сказала я, – поэтому я и тороплюсь в «Марко», но потом буду абсолютно свободна, мы поедем ко мне домой и подумаем, каким образом нужно поступить, чтобы решить все твои проблемы.

– Ой! Нет, нет!

– Почему?

– Ваши дети будут против, станут ругаться, закричат: «Зачем сюда побродяжку привела!»

– Ну, во-первых, Никита совсем маленький, он еще разговаривать не умеет, а Кристина хорошая девочка, ей такие гадкие слова на ум не придут. К тому же и ребята, и Тамара сейчас на даче.

– Это кто?

– Томочка? Ну как бы тебе попроще объяснить? Моя сестра, правда, не родная по крови, но это уже не так важно. Кристина с Никитой на самом деле ее дети, но я их считаю своими. Послушай, в нашей семье ты разберешься потом, мой муж, Олег...

Тут я примолкла. Вообще говоря, хотела сказать, что Куприн сотрудник МВД и что он обязательно поможет Оле восстановить документы. Еще супруг придет в полное негодование, услышав про Анну Ивановну с Абдуллой, кроме того, девочке-подростку негоже одной бродить по шумному, полному опасностей городу, не имея в кармане ни копейки. Но потом я подумала внезапно, что слово «милиционер» может напугать находящегося в стрессе ребенка, и сказала:

– Муж влиятельный человек, с обширными связями. Думаю, он сумеет сделать тебе паспорт или другие необходимые бумаги. Во всяком случае, тебе сейчас не надо никуда ехать зайцем, маловероятно, что бабушка Леры обрадуется невесть откуда свалившейся на голову незнакомой девочке. Думаю, сильно пьющей старухе не захочется тебя кормить, понимаешь?

– Что же мне делать? – прошептала Олечка. – Куда идти?

– Не волнуйся, пока останешься у нас, а там посмотрим. Кстати, сейчас я живу в большой квартире одна, муж укатил на две недели во Владивосток по... э... делам бизнеса, а Томочка с детьми на даче, ее супруг Семен прямо со службы рулит в поселок, в городские хоромы он не заглядывает. Осмотришься, обживешься, купим тебе одежду, просты, конечно, но в этом платье и беленьких носочках ты смахиваешь на детсадовку!

Говоря последнюю фразу, я хотела насмешить Олечку, думала, та улыбнется, но подросток опять зашмыгал носом.

– Анна Ивановна меня так одела, чтобы я Абдулле еще больше понравилась!

– Забудь мерзкую бабу и отвратительного педофила! Теперь, надеюсь, твоя жизнь пойдет по-другому, – воскликнула я и покатила к издательству.

Войдя в просторный холл «Марко», я приблизилась к бюро пропусков и сказала:

– Я автор и иду в пиар-отдел.

– Паспорт, – вежливо, но твердо донеслось из окошка.

Я протянула бордовую книжечку.

– Со мной девочка, пожалуйста, пропустите ее без документов, ей всего четырнадцать лет.

– Нет проблем, – улыбнулась дежурная и протянула мне зеленый прямоугольник.

Я повернулась к Оле:

– Хочешь есть?

– Ага, – прошептала та, – очень! И пить тоже.

– Смотри, налево столовая, здесь вполне прилично кормят, купи себе побольше еды, а потом поднимайся на пятый этаж, садись в холле, у телевизора, и жди меня. Не хочешь смотреть передачи, почитай, там на столике всегда лежат книги. Подождешь с часок, и поедем домой. Вот, держи деньги на обед.

– Ой, зачем так много? – воскликнула Олечка.

– В самый раз, салат, первое, второе, булочка, сок, потом чай или кофе, не знаю, что ты больше любишь. Обедай как следует, домашние все разъехались, у меня в холодильнике пусто.

Ольга начала перебирать край рукава.

– Хорошо.

– Ну и славно, – улыбнулась я, – значит, встречаемся в холле, только сколько времени я проведу в пиар-отделе, не знаю, поэтому терпеливо жди.

– Да, да, да, – закивала девочка, – я даже не пошевелюсь.

– Ну это уж слишком, – решила я приободрить бедного ребенка. – Ладно, ступай скорей кушать, могу порекомендовать ватрушки, они здесь замечательные.

Олечка подпрыгнула и ринулась к стеклянным дверям.

– Стой, – велела я.

Девочка покорно замерла, потом с опаской обернулась.

– Чего?

– А руки помыть? Туалет слева.

Услышь Кристина от меня подобное замечание, она бы моментально воскликнула:

– Сама знаю! И потом, лапы чистые, я ничего ими не трогала.

Впрочем, Кристя могла выдать и фразу типа:

– Ну чего привязалась! Я не маленькая уже, вечно глупые замечания делаешь!

Олечка же потупилась и промямлила:

– Ой, совсем забыла! Вы не подумайте, я вовсе не грязнуля, просто очень кушать хочется.

Выпалив эту фразу, она повернулась к туалетной комнате, я вздохнула и пошла к лифту.

Сколько таких милых, приятных детей волею злой судьбы оказалось на улице? Впрочем, не следует думать, что все беспризорники несчастные детки, такие ангелы во плоти, и далеко не каждый побродяжка происходит из неблагополучной семьи. У одной из коллег Куприна, Розы Вергасовой, есть дочь Лиза. В детстве ее мама и папа целыми днями пропадали на работе, но дочурка не оставалась без присмотра, из школы ее приводила старенькая бабушка. Лизочку пытались приохотить к спорту, отдали сначала на гимнастику, потом в бассейн, следом в фигурное катание. Но из всех секций ленивую ученицу выгнали, потом мама решила отвести дочку в художественную студию, но и там Лиза заниматься не стала. Родители не ругали отпрыска, они полагали, что у каждого человека, пусть даже и совсем маленького, имеются свои желания, поэтому просто показывали Лизочке, чем можно занять свободное время: хореография, пение, игра на гитаре... В шкафу у Лизы висело много хорошей одежды, на полках лежали игрушки, и читала девочка отличные книги, понимающие родители никогда не отнимали у нее конфеты, жвачки и косметику, привечали всех друзей и не требовали сплошных пятерок. Не надо думать, что Лизавету безоглядно баловали, нет, ее папа и мама разумно сочетали строгость и ласку, никогда не запирали на ключ выпивку, сигареты, не рылись у доченьки в столе и не изучали содержимое ее карманов. И каков результат? Первый раз Лизавета удрала из дома в тринадцать лет, села на электричку и укатила невесть куда. Мама поставила на уши всю милицию и обнаружила дочь в компании бомжей.

С тех пор жизнь Вергасовых превратилась в ад, Лиза убегала – родители ее ловили. Через десять лет терпение их иссякло, они постарались вычеркнуть из памяти непутевую дочь, последнее известие от Лизаветы пришло три года назад, она появилась на пороге родной квартиры, одетая в грязную куртку, и, сунув матери покрытого болячками младенца, прохрипела:

– Зовут Костей, забирайте и делайте с ним, что хотите, надоел мне до смерти, вечно орет. Ну, чего уставилась? Это твой внук, не нравится, я его выкину.

Спрашивается: следует ли жалеть подобную нищенку? Кто виноват, что теперь Лизавета живет в мусорном бачке? У нее имелось все для нормальной жизни, но каждый человек делает свой выбор сам.

А вот Олечке просто ужасно не повезло.

Размышляя о беспризорных детях, я поднялась на нужный этаж и вошла в комнату Федора.

– Звезда моя, – встал из-за стола пиарщик, – чай, кофе или потанцуем, пока работники телекамеры не явились на встречу? Ты любишь танго или вальс? Впрочем, извините, столь молодая особа, наверное, предпочитает брейк-данс. Садись, звезда моя, в ногах правды нет.

Я опустилась в одно из глубоких, мягких кожаных кресел. Кабинет Федора четко делится на две зоны. Справа от входа стоит рабочий стол и два достаточно неудобных, жестких, покрытых грубой материей красных стула. Слева расположена «группа отдыха»: мягкая мебель и журнальный столик, на котором красуется вазочка с конфетами. В «Марко» сухой закон, рядовой сотрудник, пойманный с бутылочкой пива, мигом окажется на улице без выходного пособия, но кабинет Федора имеет особый статус, здесь гостю нальют рюмашку, и в зависимости

от того, какую бутылочку ушлый пиарщик вытащит из бара, вы легко сделаете вывод о своем статусе в «Марко». Вообще Федор – это индикатор, демонстрирующий значимость того или иного литератора.

Начнем с того, что с основной массой авторов наш Феденька не здоровается, просто проходит мимо, даже не задержав взгляд на человеке. Если кивнет, прыгайте от радости, руководство «Марко» на ежедневном совещании заметило – книга N продается удачно.

Если Федя начинает трясти писателю руку, улыбаться и говорить: «Шикарно выглядишь», – это означает лишь одно: произведение прозаика попало в рейтинг, журнал «Книга и деньги» включил его в десятку лучших.

И уж совсем классно, если Федор зазывает автора в свой кабинет, усаживает у стола и восклицает: «Звезда моя, нам следует пообщаться!»

Вот тут можно ликовать по-настоящему: «Марко» надумало провести вашу рекламную кампанию, издательские работники готовы потратить некую сумму на выпуск плакатов, закладок, календарей и приглашение журналистов.

Ну а если Феденька усаживает вас в кресло, да еще вынимает бутылку, значит, вы и впрямь звезда и теперь можете позволить себе некие маленькие капризы, типа заявления: «На передачу о жизни аллигаторов Кении я не пойду, устала от внимания прессы».

Впрочем, чтобы окончательно уяснить свое место в «Марко», надо еще ориентироваться в «бутылочном рейтинге». Тут имеются свои тонкости. Коньяк в шкафу стоит разный: от пакостного пойла, произведенного в подвале на малой Лоховской улице, до элитного напитка, доставленного прямо из Франции. Впрочем, есть на полках и водка, и шампанское, и виски, и вино; глянув на этикетки, вы сразу поймете, что к чему.

Меня, кстати, до сих пор не усаживали в кресло, госпожу Виолу держали у стола, на жестком стуле. В принципе у «Марко» нет ко мне никаких претензий, кроме одной: мало пишу и не вовремя сдаю рукописи.

Но сейчас пиарщик подчеркнуто заботливо уместил меня на кожаной подушке, потом распахнул дверцы бара и воскликнул:

- Звезда моя, как насчет шампусика?
- Спасибо, у меня от него голова болит, – честно ответила я.
- Коньяковского?
- Нет, нет.
- Водярского? Или винца? Имею совершенно замечательное, из Италии.

Огромным усилием воли я попыталась погасить счастливо-глупую улыбку. Федор не предложил мне молдавское, болгарское или чилийское пойло. Госпоже Таракановой хотят налить нектара, прибывшего с Апеннинского полуострова. Следовательно, мой рейтинг взлетел выше некуда. Правда, в шкафу еще имеются эксклюзивные вина из Франции, но их, думаю, открывают лишь для Бусиновой или Смоляковой.

– Спасибо, – тоном герцогини ответила я, – очень мило, но вынуждена отказаться, поскольку нахожусь за рулем. Вот минеральной водички хлебну.

Федор крякнул, покосился на свой стол, где стояла нераспечатанная пластиковая бутылка с этикеткой «Речная», и, добыв из недр бара стеклянную емкость, украшенную бумажкой «Naturwasser», ловко свернул пробку.

– Дешевая ты девушка, – вздохнул он, – имей в виду, подобных не ценят. Мужики любят тех, в кого много вложили: если за все по полной программе заплачено, то другому отдавать ее жаль. Значитца, так! Курс молодого бойца. Сейчас сюда заявится Анатолий Голубев, жуткий сукин сын! Отвратительная морда, жадный кабан! Твое дело молчать и кивать. Никаких разговоров о деньгах, это без Арины Виоловой обговорят. Помни, ты звезда, поэтому находишься выше земных реалий. Всякой ерундой, типа денег, то бишь гонорарами, занимаемся мы, мел-

кие, серые издательские мышки. Великую писательницу не волнуют презренные бумажки, она погружена в творчество. Компранэ², киса?

– Ага, – кивнула я, – понятно, но у меня иногда бывают всякие незвездные желания, вроде покупки одежды, обуви и вкусных продуктов, и вот в этот момент, когда пафосная личность мается у прилавка, ей очень хочется презренного металла, причем побольше.

– Лавэ получишь, – дернул шеей Федор, – но учти, чем дольше не будешь вмешиваться в процесс переговоров, тем больше бумажек попадет в твой кошелек. Сиди молча, улыбайся, кивай изредка, произнося фразу: «Все вопросы к издателям».

– Зачем меня тогда позвали?

– Ну ты даешь! Нельзя без автора! Имей в виду, Голубев мерзопакостный павиан, беспринципная сволочь, отвратительный... о... боже! Рад безумно, великолепно выглядишь! Господи, как ты похудел! Это специально?

Я обернулась и постаралась не захихикать. В кабинет бойко вкатился бильярдный шар, засунутый в светлый, выпендрежно дорогой костюм. Сходство с аксессуаром для настольной игры придавали Голубеву не только рост и объем – мне даже сначала показалось, что оба эти размера, если применить сантиметр, будут одинаковы, – но и совершенно лысая, блестящая голова.

– Раздельное питание, Феденька, – пропыхтело чудовище с портфелем, – жиры, белки и углеводы хаваются по отдельности, и, главное, никакой выпечки. Поэтому не предлагай мне ханки, плесни водички, как своей очаровательной дочке.

Федор заморгал, потом с совершенно искренним изумлением воскликнул:

– Ты кого имеешь в виду?

Анатолий улыбнулся, толстые щеки взметнулись и подперли нижние веки, глаза продюсера утонули под бровями.

– На диване сидит прелестная девчушка, думаю, она твоя дочка.

Не скрою, мне было очень приятно услышать заявление Голубева, кстати, я еще не справила сорокалетие и считаю себя вполне молодой особой, но вот за школьницу меня давно не принимали.

– Это Арина Виолова, – хмыкнул Федор, – наш автор.

Анатолий замер, потом заломил руки.

– Господи! Такая юная и красивая! Каким образом вы ухитряетесь писать книги лучше Достоевского? Откуда черпаете опыт, где берете сюжеты? Честно говоря, я считал госпожу Виолу умудренной жизнью пожилой дамой не слишком приглядной внешности. А вы выглядите словно «Мисс Вселенная», но в отличие от топ-модели еще и обладаете умом.

Я потупила взор. Конечно, Голубев сейчас произносит льстивые речи, но ведь в них есть и зерно правды. Мои книги замечательны, вот, например, «Гнездо бегемота» или вышедшая в конце прошлого месяца повесть «Сафари на таракана», мне самой понравилась. Что же касается внешности...

Внезапно я ощутила пинок, Федор, делая вид, что вынимает бутылки из шкафа, толкнул меня и тихонько погрозил кулаком.

Голубев тем временем сел за стол и вытащил бумаги.

– Приступим, – другим тоном заявил он, – читайте!

---

² *Компранэ* – понимаешь? (испорчен. франц.).

Глава 5

Не стану вам пересказывать содержание беседы, сама не поняла больше половины слов, которыми жонглировали не обращавшие на меня внимания мужчины. Сначала я попыталась вникнуть в суть, но потом бросила бесполезное занятие. Изредка Федор основательно пинал меня под столом, и тогда изо рта Арины Виоловой вылетала фраза:

– Все вопросы к издателям.

В конце концов и продюсер, и пиарщик притомились. Федор начал вытирать лоб платком, а Голубев, забыв про раздельное питание, лихо влил в себя почти стакан коньяка и принялся заедать алкоголь шоколадными конфетами.

– Арина, звезда наша, – с несказанной ласковостью пропел пиарщик, – поставь здесь свою подпись.

– Где? – прищурилась я.

Из-за наклеенных ресниц угол зрения значительно сузился, но ради красоты можно и потерпеть некие неудобства.

– Вот тут, внизу.

– Слева?

– Нет, где галочка.

– Около пункта «В»?

– Смотри правее, – слишком нежно процедил Федор, и мне стало понятно, что охотнее всего пиарщик сейчас бы треснул свою звезду по затылку.

– В углу.

– Над закорючкой?

– Повнимательней можно? – не сдержался Федор.

Не желая окончательно злить высокое начальство, я машинально потерла кулаком правый глаз и в ту же секунду вспомнила, что сегодня наложила на себя макияж, так сказать, по полной программе, отдернула от лица руку, но поздно! Одна из фальшивых ресниц шлепнулась прямо на документ.

Я быстро дунула, но черная полосочка, украшенная мелкими, сильно загнутыми волосинками, приклеилась насмерть. По счастью, Федор и Анатолий не заметили казуса, они вели довольно мирную беседу о своих новых машинах.

Острым пером врученного мне стило я попыталась отковырять ресничину, но плохо державшийся на веке прирамбас просто приварился к договору.

Покосившись на мужчин, я поскребла бумагу ногтем. Никакого эффекта. Пришлось снова тыкать в договор ручкой, в какой-то момент из недр самописки выплеснулась большая жирная капля черного цвета. Федор и Голубев, не замечая моих действий, беседовали о цилиндрах, дисках и магнитолах, а любая женщина знает, коли в разговоре начинают проскальзывать слова «буфер», «колонки», «сидичейнджер», значит, мужская часть компании находится почти в наркотическом опьянении, в такой момент они ничего не видят вокруг.

Сочтя момент подходящим, я быстро слизнула каплю и одновременно попыталась зубами отгрызть фальшивую ресницу. На этот раз я выполнила задуманное с блеском, вместо кляксы на договоре остался лишь мокрый след, но вот там, где секунду назад щетинились искусственные ресницы, возникла дыра.

Я заморгала. Как прикажете поступить теперь? Глаза заметались по столу, и, о радость, я увидела бумажный скотч.

Оторвать небольшой кусочек от мотка оказалось плевым делом, наклеивание его на дыру заняло максимум две секунды, поставить подпись и того меньше. Федор и Голубев теперь

схлестнулись на почве руля. Спортивный или обычный? Поверьте, это настолько глобальная проблема, что про мелочь по имени Арина Виолова они начисто забыли.

Я оглядела результаты своего труда и вновь осталась недовольна. Дырка, правда, исчезла, клякса вместе с ресницей благополучно испарилась, но все равно понятно, что на договоре имеется заплатка! И тут на меня снизошло подлинное вдохновение. Главное ведь никогда не отчаиваться, выход найдется из любого положения.

Стило запорхало по документу, и очень скоро мой автограф оказался в рамочке из цветочков. Вот теперь просто на славу.

– Ну, готово? – вынырнул из беседы Федор.

– Да.

Не глядя на договор, пиарщик передал его Голубеву, тот вздернул брови.

– Это ваша подпись?

– Естественно, – фыркнула я, – собственноручная, а почему вы удивляетесь? Я всегда рисую овал из незабудок, он делает росчерк неповторимым.

Пиарщик и продюсер уставились на меня, в их глазах заметалось странное выражение, некая смесь удивления и легкого испуга.

– Что-то не так? – насторожилась я.

– Э... все просто супер, – кашлянул продюсер, – нам нужно будет еще раз встретиться, довольно скоро, обсудить детали сценария.

– Вы, Виола Ленинидовна, можете ехать по делам, – протянул Федор, – понимаю занятость звездного человека, не смею вас более задерживать. Разрешите проводить.

Схватив меня цепкой рукой, пиарщик допинал «звезду» до коридора и с чувством заявил:

– Офигеть можно! Вали отсюда, жди звонка от Голубева. Скончаться можно, я велел же без дури! Знаешь, о чем сейчас спросит Анатолий, когда я вернусь в кабинет? «У твоей Виоловой все дома? Она случайно не из психушки удрапала?»

– Совершенно не понимаю суть претензий, – с достоинством возразила я, – я одета, как Бустинова, даже вторую серьгу в ухо воткнула, никаких джинсов и маечек, элегантный костюм.

– Если на пугало нацепить бальное платье, оно не станет принцессой, – прошипел Федор, – звезда моя, сходи в туалет, глянь на свою морду!

Я покорно побрела в указанном направлении, походя отметив, что Олечка спокойно сидит в холле в кресле, лицо девочки скрывала огромная книга, которую сиротка держала в руках. Были видны лишь оборки белого платья и две тоненькие ножки в белых носочках и парусиновых туфельках. Отчего-то мой взор зацепился за обувь Олечки, но я решила пока не отвлекать девочку, а все же глянуть в зеркало.

В туалете оказалось пусто, большое посеребренное стекло было полностью в распоряжении госпожи Таракановой. Я подошла к рукомоюнику, изо рта вырвался вскрик:

– Ой!

Вокруг моего рта темнели синие пятна, они же украшали подбородок и щеки, в качестве особо пикантной детали на нижней губе висела фальшивая ресница.

Я попыталась ликвидировать безобразие, но очень скоро поняла: качественные чернила намертво въелись в кожу, просто водой их не смыть, требуется применить всякие средства: скраб, гель, но здесь их нет. Единственное, что мне удалось, это оторвать налипшую на губу «красотищу», и теперь ранку щипало. Решив, что в моей жизни были и более неприятные ситуации, чем леопардовая расцветка личика, я вытащила тональный крем и спустя несколько минут сочла свой внешний вид вполне приемлемым.

Особо не расстраиваясь, я вышла в холл, приблизилась к девочке, увлеченной книгой, и велела:

– Поехали.

Подросток не пошевелился.

– Оля, вставай.

Толстый том опустился на колени, прикрытые белым платьем, показалось смуглое личико, маленькие раскосые карие глаза и иссиня-черные, гладкие, словно вороново крыло, волосы.

– Я не Оля, – вежливо ответила девочка, – меня зовут Яной, я жду маму, она в бухгалтерию пошла.

В ту же секунду я поняла, отчего зацепилась глазом за парусиновые туфли: на Оле ведь были сандалии.

– А где Оля?

– Не знаю.

– Тут должна сидеть девочка, тоже в белом платье.

– Здесь только я.

В легком недоумении я пошла к лифту, вполне вероятно, что Оля не поняла, о каком холле идет речь, и сейчас тоскует внизу около охраны, там тоже стоят кресла.

Но на первом этаже оказалось пусто.

– Простите, – обратилась я к секьюрити, высокому парню в черном костюме, – со мной приходила девочка, я отправила ее в столовую, а теперь потеряла. Нельзя ли по громкой связи попросить ее спуститься вниз?

Охранник кашлянул.

– Такая светленькая, в белом платье?

– Верно.

– Она на улицу побежала.

– Зачем? – изумилась я.

Парень пожал плечами.

– Вышла из столовой и спросила: «Где у вас курят?»

– Курят? Девочка хотела подымить сигаретой??

Секьюрити осторожно пригладил волосы.

– Ну, родители, ясное дело, все последними узнают. Сейчас дети ого-го какие, в десять лет уже меня кой-чему научить могут. Я красавице ответил: «В издательстве безникотиновая зона, ступай во двор». Она и учапала, небось там на лавочке сидит, назад не входила! Погода хорошая, дождика нет.

На площадке рядом с большой клумбой и впрямь стояли две скамеечки, но Оли на них не нашлось. Я зачем-то обошла лавочки.

– Ищите чего? – дружелюбно поинтересовался парковщик, стоявший у опущенного шлагбаума. – Никак кошелек потеряли?

– Случается такое, – протянула я, – но сегодня не в портмоне дело. Девочку посеяла, наверное, она все же в издательстве.

– Сама светленькая, а платье беленькое?

– Верно, видели ее?

Парковщик хмыкнул.

– Кто она вам, дочь?

– Просто знакомая, а почему вы спрашиваете?

Юноша поправил лямки форменного комбинезона.

– Стою тут с полудня, прямо офигел уже, да еще курево кончилось, а отойти нельзя. Маялся, маялся, гляжу, ребенок вышел, сел на лавочку и закурил. Наверное, нужно было сигарету отнять да сказать, что маленьким смолить вредно, только вдруг ей родители разрешают? В общем, попросил у девочки: «Дай закурить».

В ответ парковщик услышал короткую фразу:

– У самой последняя.

Юноша потерял к девочке всякий интерес, тем более что в этот момент к зданию издательства подлетел тонированный джип и замер. Из иномарки выбрался мужик и пошел ко входу.

– Она на лавке! – крикнул кто-то из иномарки, и тут начался настоящий цирк.

Дядька вздрогнул, повернул голову и шагнул туда, где курила малолетка. Девчонка вскочила на ноги и рванула в сторону большого забора, окружавшего двор находившейся по соседству с «Марко» школы.

– Эй, суки, шевелитесь! – завизжал, похоже, неспособный не то что бегать, а даже ходить быстрым шагом дядька. – Ловите падлу!

На тротуар выскочили двое мужчин, шофер и охранник, легко, словно гепарды, они кинулись за удирающей девочкой, расстояние между преследователями и жертвой живо сокращалось, и тут белое платье шмыгнуло в дырку. Накачанные парни замерли в легкой растерянности.

– Чего встали, уроды! – затопал короткими, жирными ногами хозяин.

– Так забор, – ответил шофер.

– Живо перелезайте!

– Дык не получится, – заскулил водитель, – сплошной бетонный блок, зацепиться не за что, тут человеком-пауком надо быть.

– Кретины, ...! – принялся материться хозяин. – В дырку ныряйте, за девкой!

– Нам туда не пролезть, – хором ответила бравая парочка, – слишком узко.

Речь, полившуюся из уст хозяина джипа, парковщик решил не слушать до конца, он предпочел шмыгнуть в будку, стоявшую около шлагбаума, потому что хорошо запомнил народную мудрость: бере дерутся, а у крепостных чубы трещат. И вообще, его хата с краю.

Побесновавшись некоторое время и отсыпав нерасторопной, разожравшейся обслуге зуботычин, мужчина пару раз лягнул колеса джипа, а потом сел в салон и укатил.

Не слушая дальше парковщика, я кинулась к глухой изгороди и легко проскочила в проем, через который не сумели протиснуться бодигарды Абдуллы. Перед глазами распростерся абсолютно пустой школьный двор, слева виднелась распахнутая настежь калитка, возле нее на табуретке дремал дедушка, одетый в форму, отдаленно напоминающую мундир эсэсовца: черные брюки с рубашкой и белая нашивка на груди. Только у гитлеровцев из особых дивизий, насколько мне известно, красовался череп, а у старичка было изображение какой-то птички, больше всего напоминавшей ожиревшую курицу.

– Девочку не видели? – закричала я, подлетая к божьему одуванчику. – Худенькую, беленькую, в носочках.

Призванный служить грозной охраной, дедушка вздрогнул, открыл глаза, откашлялся и заявил:

– Уроки закончились, если в кружок мягкой игрушки идешь, то с бокового входа.

Я воззрилась на старика; интересно, чью голову осенила счастливая идея посадить у входа еле-еле живое существо, засыпающее от отсутствия энергетики? Пришлось повторить вопрос. С энтузиазмом старой черепахи охранник чихнул и, промямлив: «Тут много таких, в носочках», – мирно отбыл в страну Морфея.

Я вышла через калитку на улицу, полюбовалась на прохожих, несущихся в разные стороны по проспекту, посмотрела вслед лентам машин и побрела назад к «Жигулям».

Оставалось удивляться, каким образом Абдулла ухитрился вычислить, в какой автомобиль занырнула испуганная девочка и куда покатила тачка.

Устроившись за рулем, я завела мотор, потом выключила его и посидела несколько мгновений без движения. Перед глазами возникла худенькая, маленькая фигурка в нелепом платье, а в ушах послышался безнадежно усталый голосок:

«Денег у меня нет, но до Буркина и зайцем доехать можно, Лера, наверное, пустит к себе, я ж ей помогла спастись!»

Руки снова вцепились в руль, надо срочно ехать на Курский вокзал, Олечка может попасть в новую неприятность. Несмотря на то, что девочка, дочь сильно пьющей и гулящей матери, приучена сама о себе заботиться, она не имеет опыта проживания в большом городе, и потом, за ребенком охотится Абдулла. Надеюсь, мне удастся перехватить Олю у дверей электрички.

Вдавив педаль в пол, я понеслась по проспекту. Те, кто хорошо знаком со мной, знают: детство Вилки было не самым счастливым. Меня воспитывала крепко закладывающая за воротник мачеха Раиса. Хотя глагол «воспитывала» в данном случае мало подходит. Я отлично знаю, что такое сидеть в студенческом подъезде на подоконнике, поджидая, пока «мамаша» наконец забудется пьяным сном. Еще крохотная Виола мастерски умела воровать в булочной сайки, а с трех лет жестоко дралась с мальчишками. В очень юном возрасте ко мне пришло понимание: я сирота, и если у других детей имеются мамы, папы, бабушки, дедушки, старшие братья-сестры, то у меня нет никого. Оставалось лишь сделать выбор: что делать? Принимать удары, сгибаться под пинками судьбы, превратиться в обозленную парию или давать сдачи, не боясь синяков, шишек и кровоподтеков, дурной славы хулиганки. Я пошла по второму пути и, когда оказалась в седьмом классе, «приобрела авторитет», даже совсем взрослые мужики в нашей пятиэтажке знали: Вилку лучше не трогать, она без тормозов. Вот Колька Жигунов из двенадцатой квартиры ущипнул меня за попу, и что вышло? Сначала сиротинушка шандаррахнула его по башке мусорным ведром, которое несла на помойку, потом схватила железный лом, коим дворник скалывал во дворе лед, и, выставив его, словно пику, заорала:

– Только подойди еще раз, руки поотшибаю!

Испугавшийся не на шутку Николай рванул от разъяренной малолетки, но удача в тот день была явно не на его стороне. Не успев сделать два шага, мужик поскользнулся и шлепнулся. Я подлетела к обидчику, высыпала на него объедки, а затем с силой воткнула лом в распахнувшееся пальто соседа, пригвоздив одежду к асфальту.

После того дня ко мне более не приставали. Кстати, повзрослев, я долго боролась с припадками необузданного гнева. Впрочем, у меня до сих пор иногда темнеет в глазах, если слышу оскорбления. Тут главное попытаться остановить себя, потому что если я иду вразнос, то способна проломить кирпичные стены. Непонятно, отчего у меня, хрупкой, слабой женщины, в момент гнева просыпается чудовищная сила.

Но, несмотря на сиротство, я имела дом, собственную кровать, тумбочку, где лежали игрушки, а Раиса в трезвые моменты была ласкова. Она покупала падчерице халву и карамельки, баловала колбасой, даже дарила изредка кукол. Самое же главное – это наличие Томочки, замечательной подруги, ставшей мне сестрой. Я великолепно знала, что могу слезть с подоконника и побежать домой к Тamarочке. А вот Оля совершенно одинока, во всем мире у нее нет близкого человека. Мама умерла, добрый дядя Петя отдал ее бандерше, ласковая Анна Ивановна продала Абдулле, а уж тот, натешившись с ребенком, наверняка велит пристрелить его. Смерть беспризорной Олечки никого не беспокоит, некому будет вспоминать о бродяжке, она исчезнет, словно пыль с комода. Впрочем, сравнение неверно, мебель станут протирать, ворча с негодованием: «Опять запылилась».

Пыль вызовет хоть какие-нибудь эмоции, раздражение, злость, а кончина Ольги пройдет незаметно, так умирает бродячий щенок, ни разу в своей короткой жизни не поевший досыта.

Внезапно у меня защипало в носу, нога сильнее нажала на газ; ничего, Ольга, я непременно отыщу тебя и постараюсь исполнить роль доброй феи. Олег сделает тебе документы, устроим девочку сначала в санаторий, потом в школу, главное сейчас обнаружить Оленьку.

Если вы пытались когда-нибудь найти человека на Курском вокзале, то поймете меня. Оказавшись около пригородных касс, я мигом поняла тщетность своих попыток. Людское море шумело, кричало, ругалось, плакало, ело, тащило в разные стороны пудовые чемоданы с сумками. Орала дети, шастали цыганки, и бродили странные личности, похожие на опухших мышей.

Но не в моих принципах сдаваться. Одна из героинь Арины Виоловой, Светочка, является непотопляемым крейсером, девушкой, способной найти несколько выходов из тяжелого положения. Редактор упрекал меня, говоря, что люди, подобные Свете, не встречаются в жизни: выпрыгнув с пятнадцатого этажа без парашюта, невозможно остаться целой и невредимой, но разве я виновата, что Света ухитрилась в полете зацепиться хорошо накачанной ручкой за перила одного из балконов! Скажете, подобного не бывает? Должна вас разочаровать, в жизни случается все, даже то, что никому не придет в голову.

Сосредоточившись, я подумала, как бы повела сейчас себя Света, и полетела к справочному окошку с вопросом:

– Скажите, как добраться до Буркина?

Полная блондинка с кроваво-красными губами потыкала пальцем в клавиши и очень вежливо сказала:

– В Буркине останавливаются лишь три электрички. Одна отправляется в шесть тридцать утра, другая в полдень, а третья отходит с пятого пути через семь минут.

Глава 6

Забыв сказать милой женщине «спасибо», я ринулась в сторону платформы, перепрыгивая через тюки и спотыкаясь о бесконечные сумки на колесах. На любом вокзале сориентироваться трудно, а уж на Курском с его подземными переходами, бесконечными залами, углами-загогулинами и вовсе невозможно.

В конце концов я нашла нужный путь, увидела стоящий поезд и решила, крича во все горло «Олечка», бежать по вагонам. Времени до отхода было катастрофически мало, но мне ведь надо отыскать девочку, значит, поеду в электричке по области, пока не отыщу Олю.

Внезапно в толпе мелькнуло белое платье.

– Ольга! – завизжала я. – Стой, не бойся!

Светлое пятно метнулось в вагон, я понеслась вперед, хотела уже вскочить внутрь электропоезда, но тут двери с тихим шипением закрылись, и состав начал быстро удаляться от Москвы, мне не хватило всего одной секунды, чтобы укатить вместе с ним.

Сжав зубы, я вернулась на площадь, села в машину и принялась изучать атлас. Буркино оказалось не так уж далеко, у меня был шанс, если я, конечно, не влипну в пробки, очутиться в местечке через час.

Может ли кто-нибудь объяснить мне, когда и по какой причине в Москве образуются заторы? Ясное дело, что в пятницу, после шести вечера, лучше не высовываться на магистрали, но отчего во вторник в три дня стоит Тверская? Народ же должен куковать на работе, а не раскатывать по столице. Впрочем, иногда дороги оказываются свободными, и сегодня мне несказанно повезло, похоже, что сотрудники ГАИ специально освободили трассы. Я птицей долетела до Буркина всего за сорок минут и припарковалась на главной площади.

Надо же, я предполагала, что это деревня, а сейчас нахожусь в относительно крупном населенном пункте, тут и там виднеются блочные пятиэтажки. Где искать Валерию Квашню?

Слегка поразмыслив, я вошла в здание вокзала, нашла там дверь с табличкой «Милиция» и, толкнув ее, увидела мужчину лет сорока в форме, с книгой в руке.

Услышав скрип петель, дежурный отложил раскрытое издание переплетом вверх и с легким раздражением поинтересовался:

– Вам чего, гражданочка?

Я машинально взглянула на растрепанный томик и ощутила приступ зависти: Смолякова, причем очень старый роман, один из ее первых опусов.

– Че молчите? – начал злиться мент.

Во мне проснулась актриса.

– Извините, конечно, я попала в совершенно идиотскую ситуацию.

– А сюда по другой причине не суются, – безразлично сказал дежурный, – у вас вытащили кошелек? Где? Если на автобусной остановке, то ступайте на Коммунистическую, там отделение есть, это ихняя территория.

– Дело в другом.

– В чем? – окончательно поскуучнел дежурный.

– Я приехала в гости к подруге, Валерии Квашне.

– Ну и?

– Потеряла ее адрес, – заныла я, – Лерочка дала бумажку и добавила: «Если заплутаешь, там спросишь, нас с бабушкой Анастасией все знают».

– Я думал, у вас дело, – хмыкнул милиционер, – а тут ерунда. Ничем помочь не могу.

– Пожалуйста, запросите адресное бюро, думаю, много времени операция не займет, все же Буркино не Москва.

Милиционер моргнул, затем скривился.

– Ну вы, москвичи, и наглые! Может, тебе еще ботинки почистить или вареньем язык помазать? Иди отсюда.

– Я вас отблагодарю.

– Взятки не беру!

– Кто же о деньгах говорит! Гляжу, вы детективы любите?

– От скуки любую дрянь прочтешь! – заявил мужик.

– Вот, смотрите, новая книжка Виоловой, могу подарить, с автографом, моим.

– За фигом мне твоя подпись!

– Так я и есть Арина Виолова, писательница.

Приоткрыв рот, дежурный начал рассматривать обложку с фотографией. Не надо думать, что я страдаю звездной болезнью и всегда таскаю в сумочке собственные произведения, нет, просто это появилось совсем недавно, в моей домашней коллекции ее пока нет, вот я и прихватила сегодня в «Марко» книжечку. Конечно, ее легко можно купить в любом магазине, но, согласитесь, смешно приобретать собственное произведение, да и стоит оно совсем недешево.

– Хорош врать, – рявкнул дежурный, – не похожа совсем. Ну, народ, чего только не придумают. Книги она пишет! Может, еще президентом назовешься, ступай отсюда, пока я меры не принял.

С этими словами он вышвырнул мою книгу в открытое окно.

Пришлось уйти прочь, не зная, то ли радоваться, что грубиян не узнал меня на идиотской фотографии, то ли расстраиваться. И как разузнать адрес девушки со странной фамилией Квашня?

Ломая голову над непростой задачей, я вышла на улицу, сделала шаг вперед и услышала звонкое восклицание:

– Тетя, вы Квашню ищете?

Я повернула голову и увидела сидевшего на скамеечке паренька лет пятнадцати-шестнадцати. В руках подросток держал мою книжку, она упала на него из открытого окна, под которым стояла лавочка.

– Хотите адрес Квашни? – повторил юноша.

– Ты знаешь Леру? – обрадовалась я.

– Кого? – протянул парнишка.

– Леру Квашню, молоденькую девушку...

– Не, с нами в бараке старуха жила, баба Настя Квашня.

– Анастасия!

– Ну.

– Давай адрес.

Паренек прищурился.

– Мы с мамкой оттудова съехали, теперь в Ковалеве квартируем, а я на вокзале подрабатываю, к ларькам продукты таскаю, ящики, бутылки. Сел отдохнуть, ваш разговор услышал, а потом на башку книжка шлепнулась. Вы че, правда ее сами написали?

– Да, – улыбнулась я.

– Не похоже, – с сомнением протянул паренек. – Книжечку оставите? Я читать такое люблю, да дорого купить, не по деньгам.

– Бери, пожалуйста, – кивнула я, – только адрес скажи.

– Может, померла она, – тянул подросток, – старая была, толстая, противная, с ней никто не дружил, шибко злая Квашня.

– Адресок назови.

– Он денег стоит... много... сто баксов! Вы писательница, значит, богатая!

Я вздохнула. Какой смысл объяснять полуграмотному ребенку, что не все литераторы Крёзы? И потом, на самом деле я обеспеченная дама, имею квартиру, машину, не очень экономлю на еде. Но с какой стати я должна выкидывать сто долларов за адрес Квашни?

В результате длительного торга мы пришли к соглашению. Юноша получил купюру с цифрой «100», но маленькая деталь – это были рубли, а я обрела бумажку с нацарапанными словами: «Первомайская улица, дом семь». Вот только в номере квартиры информатор засомневался, то ли сорок семь, то ли сорок восемь, а может, сорок шесть. Но это уже были детали.

Я села в машину и повернула ключ в зажигании. Нужно признать, я удачливый человек, мне просто повезло, что под открытым окном на скамеечке сидел бывший сосед Квашни. Хотя, думается, я все равно нашла бы адрес. Я умная, хитрая и не привыкла пасовать перед трудностями. Главное теперь, чтобы Квашня и впрямь жила на указанной улице.

Первомайская оказалась длинной, грязной улицей, застроенной обшарпанными двухэтажными бараками, но дом номер семь выглядел совсем уж отвратительно, штукатурки на нем практически не осталось, часть окон усталилась на мир пустыми проемами. Около единственного подъезда сидела на лавочке скрюченная бабушка, одной рукой она крепко вцепилась в детскую коляску, второй подпирала голову с седыми нечесаными патлами.

– Здравствуйте, – завела я разговор.

Старушка распахнула глаза, попыталась скорректировать взгляд и громко икнула, тяжелый запах перегара повис в воздухе.

– А ну пошла вон! – неожиданно заорала бабка, вскакивая на ноги и пытаясь отпихнуть меня от коляски. – Не тронь!

– Мне и в голову не придет обидеть младенца!

– Вали отсюда!

– Скажите, здесь ли...

– Иди на ...!

– Простите, я всего лишь хотела узнать про Леру по фамилии Квашня, – тщетно пыталась я добиться от старухи разумного поведения.

Бабулька с силой толкнула повозку, от толчка «капюшон» упал, и я поняла, что никакого новорожденного внутри нет, в коляске громоздились пустые бутылки.

– Не дам, – заголосила старушонка, – ишь, взялась из ниоткуда! Это мое!

С треском растворилось одно окно, сверху свесился парень в серой футболке.

– Слышь, старая, не блажи!

– Костик, она деньги отбирает, – еще громче заорала бабулька.

Костя погрозил мне кулаком.

– Не трожь Аню Иванну, или в рыло получишь!

Поняв, что местные жители отличаются на редкость злобным характером, я, зажав нос, нырнула в подъезд и сразу сообразила, что в бараке коридорная система. Дверь с цифрой «48» оказалась предпоследней.

Не успели пальцы сложиться в кулачок, как эта дверь распахнулась, оттуда резко пахнуло мочой, и появилась хорошо одетая, вполне симпатичная молодая женщина лет двадцати.

– Вы Лера Квашня? – обрадовалась я.

– Нет, – вежливо ответила незнакомка, – я Наташа Еремина, можно просто Ната. А зачем вам Лера?

– Лучше скажите, где баба Настя! – быстро воскликнула я.

– Кто? – удивилась Наташа.

– Анастасия Квашня, бабушка Леры.

Наташа отступила на шаг.

– Вы знаете Леру?

– Ну... не совсем, я ее ищу.

– Леру?

– Да, и Анастасию Квашня или Квашню, право, не знаю, склоняется ли фамилия.

– А кто вам о них рассказал?

– Это неважно. Не знаете, в какой комнате живет алкоголичка?

– Алкоголичка?

– Бабушка Леры Квашни пьет, ее внучка удрала в Москву, но должна была вернуться, а еще девочка Оля могла к ним приехать! Маленькая такая, хрупкая, совсем ребенок. Лера...

– Маленькая, совсем ребенок, – повторила Наташа, потом в ее глазах мелькнула искра понимания, беспокойство и некий намек на страх.

Но, может, все это мне лишь показалось, потому что потом Наташа поморщилась.

– О господи, – вылетело из ее накрашенного ротика, – на Первомайской все если не пьяные, то обкуренные! Отвяжитесь.

Она с силой выдернула рукав из моих пальцев и пошла к выходу, я толкнула дверь, обзрела комнатку и поняла, что тут давно никто не живет, помещение было набито грязной мебелью, видно, даже бомжи не желали селиться в подобном месте.

Постояв пару секунд на пороге и вздрогнув, словно попавшая под струю холодной воды собака, я кинулась за Наташей, а та только выходила из подъезда. Я схватила ее за руку и сообщила:

– Ната! Я не пью и не употребляю наркотики.

– Чего вы от меня хотите? – отозвалась молодая женщина.

– Давайте подвезу вас до станции, поговорим по дороге!

Наташа поколебалась, потом нырнула в «Жигули».

– Слушаю, – без эмоций заявила она и уронила на пол свою сумку. Торбочка раскрылась, наружу вывалилась куча мелочей.

– Вот неуклюжая какая, – вздохнула Наташа и стала подбирать вещи. – Ну зачем таскать с собой столько дряни?

– У меня в сумке такой же бардак, – улыбнулась я, потом, решив помочь Наташе, наклонилась, взяла лежащий на коврике ключ весьма странного вида, толстый, с кнопками и брелком с логотипом «БМВ», и подала его хозяйке:

– Держи.

– Спасибо, – нервно ответила та, – так о чем беседовать станем?

Мой рассказ затянулся, Наташа в процессе его потеряла агрессивность, а потом и неприветливость, в конце концов она произнесла:

– Если подбросишь до Курского вокзала, скажу «спасибо», а в качестве платы за проезд расскажу про Леру, только думается, она давно покойница.

Я вздрогнула.

– Почему?

Ната пожала плечами.

– Валерка пропала не вчера, известий от нее никаких не было, что прикажешь думать, а? Ладно, давай по порядку. Слушай, хочешь мороженое? Вон там палатка.

– Нет, – ответила я.

– Постой, себе куплю, – заявила Наташа, сбегала к ларьку, вернулась с огромным рожком и, кусая лакомство, завела рассказ.

Девочки по фамилии Квашня появились на свет в Буркине у сильно пьющей матери. Сначала родилась Лера, а потом Наташа. Были ли они от одного отца, не знает никто, мама Аня сама не помнила, с кем делила постель. Но у нее имелся законный муж Ваня Квашня, на которого и записали девочек. Услышь Иван о том, что дважды стал отцом, он, может, и закричал бы: «Офигели? Я сто лет с Анькой не живу».

Только Ваня давным-давно бежал из Буркина в неведомом направлении.

Аня о девочках особенно не беспокоилась, росли они как трава в огороде, потом мать глотнула некоей жидкости, отдаленно похожей на спирт, и умерла, малышки остались с бабкой Настей, такой же запойной пьянчужкой, что и молодуха. И никто не мог вспомнить, является ли Анастасия родной бабушкой крошек; если все же да, то кем она приходилась Ане? Свекровью? Матерью? Ната особо своим генеалогическим древом не занималась, Настю звала «бабой», а Леру «сестричкой».

Самое интересное, что девочки выросли хорошие, красивые и неожиданно умные. Лера окончила десять классов и уехала в Москву. Валерии хотелось стать парикмахером или маникюршей, найти в столице мужа и навсегда забыть о Первомайской, Ната же мечтала поступить в институт.

Лера уехала из Буркина сразу после получения аттестата.

– Устроюсь и сообщу новый адрес, – сказала она Нате.

Но младшая сестра так и не дождалась сведений от старшей, Валерия словно в воду канула.

На следующий год Буркино покинула Ната. Ни в какой вуз она не попала, зато пристроилась в фирму, которая отмывает коттеджи после строительства, и встретила свою любовь. На симпатичную девочку обратил внимание сорокалетний хозяин строительной бригады. Разница в возрасте Нату не испугала, сыграли тихую свадьбу, Наташа сменила фамилию на Еремину, и теперь она правая рука мужа, дела у них идут не слишком хорошо, но и не плохо, на хлеб да масло с сыром хватает.

Два раза в год, на Рождество и Троицу, Ната приезжала в Буркино и находила там одну и ту же картину: пьяные соседи и невменяемая баба Настя. Оставлять старухе деньги было опасно, поэтому внучка затаривала родственницу крупами, консервами, сухим молоком, макаронами, оплачивала вперед коммунальные расходы и уезжала. Мысль о том, чтобы прихватить с собой бабку, даже не приходила внучке в голову, ясное дело, старуха и в Москве станет квазить, а Ната с мужем живут в приличном доме, среди вполне успешных людей, стоит ли позориться перед соседями. Нет уж, пускай баба Настя обитает в Буркине.

Пару лет назад Ната, приехав очередной раз с продуктовым десантом, нашла Настю мертвой. Сколько бабка пролежала бездыханной, не сумел определить даже эксперт. За окном стояла стужа, в старухиной комнате оказалось открыто окно, градусник в помещении сполз ниже нуля.

Наташе пришлось побегать по инстанциям, раздать взятки, прежде чем она получила свидетельство о смерти. Немудреные бабкины пожитки растащили обитатели барака, в комнате осталась лишь поломанная мебель, но по-прежнему Лера и Ната прописаны были в Буркине.

Некоторое время назад Наташе позвонили из администрации Буркина и сообщили, что барак наконец-то идет под снос. Сестрам положено дать отдельную квартиру и, что самое интересное, ее им выделили в новом доме, возведенном, правда, не в Буркине, а в Ведерникове. Наташе было совершенно наплевать на то, где ее собираются поселить, она живет у мужа, поэтому она ответила:

– Честно говоря, я не нуждаюсь в жилье.

– А ваша сестра тоже отказывается? – несказанно обрадовался чиновник. – Тогда побыстрей оформите выписку.

Вечером с работы приехал Андрей, супруг Наты, и отругал жену.

– Ну ты даешь! – рявкнул он. – Какую хоть квартиру предлагают?

– Не знаю, – растерялась та, – зачем она мне?

Андрей постучал согнутыми пальцами по лбу Наты.

– Ау, войдите! Ведерниково близко от Москвы. Сейчас там пустырь, сплошные краны и никакой инфраструктуры, но через пару лет возникнет город. Измученные плохой экологией

москвичи уже рвутся вон из столицы. А ты от денег отказываешься! Дают – бери, тебе по закону положено. Барак идет под снос, всем квартиры предоставят. Прописка есть, вопросов нет.

Наташа закивала и поторопилась в Буркино. Ездить в городок она стала постоянно, потому что оформляла документы, а еще появилась новая забота! Следовало отыскать Леру. В районной администрации Нате объяснили четко: сестрам дадут двухкомнатную квартиру. Одна же Наташа может рассчитывать лишь на маломерку, и для обретения хорошей жилплощади необходимы документы Леры.

Найти родственницу Еремины не сумели, хоть муж и нажал на все педали. Не так давно рабочие Андрея возвели дом одному милиционеру, и строитель попросил заказчика о помощи. Довольный хорошо сделанным особняком чиновник постарался, и очень скоро Андрей узнал неутешительную информацию: женщина по имени Валерия Квашня прописана в Буркине, она не зарегистрирована ни в одном городе России, ЗАГСы не отметили и смену фамилии. Квашня не стала Ивановой, Федоровой или Задуйветер, она просто исчезла, но и среди мертвых Лера тоже не значилась.

– Куда же она подевалась? – растерялся Андрей. – По месту прописки вот уж несколько лет не появляется.

Ментовское начальство крикнуло, а потом весьма откровенно ответило:

– Знал бы ты, сколько таких! Армия. Живут в одном месте, прописаны в другом. Только не делай вид, что никогда не слышал об этом, небось на работу нелегалов берешь, да и жена твоя вроде в Буркине должна жить, а где на самом деле обретается?

– Но Валерию никто давно не видел, – протянул Андрей, – Нату в случае необходимости сразу найдут.

– Может, померла, – спокойно ответил чиновник, – похоронили неопознанной, или лежит где-то в овраге, косточки истлели. Мой тебе совет: не пытайся откусить шмат больше головы, пусть Наташа однокомнатную квартиру получит.

Но Еремин понимал, более просторные хоромы принесут больший доход, и поэтому велел Нате:

– Ищи человека, который возьмет бабки и оформит дело.

Наташа рванулась в очередной раз в Буркино, поболтала кое с кем и вышла на ушлую Татьяну Михайловну, которая деловито заявила:

– Нет проблем. Платите мне малую толику и получаете на законном основании выделенные квадратные метры.

Услыхав об объеме «малой толики», Андрей присвистнул, но, по его расчетам, через пару лет стоимость квартиры в Ведерникове должна была сравняться с московской, игра стоила свеч, и Еремин вручил супруге деньги. Ната расплатилась со взяточницей, а та оказалась верна слову, купюры взяла и выполнила обещание.

Когда жителей барака начали переселять в новые дома, одной из первых ключи от просторной двушки получила Ната.

Андрей был в восторге.

– Сейчас возьмем недорогую мебель, – заликовал он, – и сдадим новостройку, много денег не выручим, но пусть хоть копеечка капает! Займись, дорогая.

И Нате снова пришлось ездить в Буркино. Сегодня она явилась на новую квартиру совсем рано и наткнулась у подъезда на соседку, Елену Петровну, пожалуй, единственную пристойную женщину из барака на Первомайской и, в отличие от остальных жильцов, всегда совершенно трезвую.

– Ой, Натусечка, – зачастила Елена Петровна, – радость у тебя, да?

– Какая? – удивилась Наташа. – Вы имеете в виду получение новой квартиры?

– Лерочка вернулась! – всплеснула руками соседка. – В бараке она поселилась, ночевать приходит.

У Наташи из рук выпала сумочка. Меньше всего ей хотелось сейчас узнать о появлении сестры. В голове Ереминой мигом закружились мысли: двушка оформлена на нее и Леру, Андрей не сомневался в смерти золовки, а оказывается, она жива. Если Валерия околачивается в Буркине, то, скорей всего, ее дела идут плохо, старшая сестра, узнав о расселении барака, потребует свою долю, поселится в Ведерникове, Андрей обозлится на жену, наорет на Наташу.

Конечно, Ната ни при чем, но у всякого мужчины в любой неприятной ситуации всегда виновата жена.

Полная мрачных раздумий, Наташа поторопилась в Буркино, влетела в полупустой барак, распахнула дверь некогда родной комнаты и обнаружила там на продавленной кровати женщину, отдаленно похожую на Леру. У незнакомой бомжихи были грязные рыжие волосы и синевато-бледная, усыпанная веснушками кожа. Сначала даже испуганной Нате показалось, что перед ней опустившаяся сестра, но потом она с облегчением поняла – нищенка ей незнакома.

Комната больше не принадлежала Наташе, никаких прав гнать оттуда кого-либо она не имела, но Еремина не стала долго думать, она ухватила бродяжку за шиворот, выбросила несопротивляющуюся бабу за порог, потом побежала в туалет, тщательно вымыла руки, покинула санузел и наткнулась на меня.

Глава 7

– Значит, Лера старше вас, – подвела я итог.

– Да, – кивнула Наташа.

– Ей, простите, конечно, не пятнадцать лет?!

– Нет, – усмехнулась Ната, – впрочем, и не восемнадцать и не двадцать.

Я молча уставилась на дорогу, из рассказа Олечки было ясно, что Абдулла педофил, тогда с какой стати его заинтересовал «перестарок»? Или девочку, принесенную в квартиру Анны Ивановны, на самом деле звали по-иному? Но зачем она тогда прикинулась Лерой? Назвала фамилию Квашня? Указала адрес в Буркине? И где Олечка? Если она не поехала в область, то где Оля сейчас? Бродит испуганной по враждебной Москве? Попала в руки к очередной Анне Ивановне? А может, ее захватил Абдулла и теперь издевается от души, мстит за часы погони?

– Если можно, притормози у метро, – попросила Ната.

Я машинально выполнила просьбу Ереминой. Молодая женщина улыбнулась и сказала:

– Спасибо, на машине намного лучше, чем на электричке. Наверное, придется научиться управлять автомобилем, да все недосуг.

– В своих колесах тоже есть неудобство, – решила я просветить Наташу, – в столице сплошные пробки, иногда часами стоять приходится, а метро катит спокойно.

– Ну насчет «спокойно» ты хватилась, – покачала головой собеседница, – подземка сплошной стресс, то взрыв случится, то электричество вырубят. Нет, решено, прямо завтра отправляюсь в автошколу, ну, пока.

– Постой!

– Что случилось?

– Будь добра, запиши мой телефон.

– Давай, – после легкого колебания ответила Ната, – диктуй, только зачем?

– Ты же регулярно ездишь в Буркино.

– Теперь все, больше не стану.

– Ладно, – не сдалась я, – но ведь Ведерниково недалеко от твоего прежнего места проживания.

– В двух шагах, через лесок десять минут спокойным шагом.

– Вдруг Лера объявится...

– Маловероятно.

– Или Оля придет! Очень прошу, не гони девочку, позвони мне, я мигом примчусь. Пойми, она круглая сирота, без родителей, ей никто, кроме меня, не поможет!

Наташа кивнула.

– Ладно, я очень хорошо понимаю, каково одной-одиношеньке во враждебном мегаполисе. Ты, кстати, тоже запиши мои координаты, затеешь ремонт, обращайся, в лучшем виде сделаем.

Сказав последнюю фразу, она вдруг побледнела и схватилась за низ живота.

– Что с тобой? – испугалась я.

– Ну и прихватило, словно ножом режет, – пробормотала Наташа, синяя на глазах, – такой приступ резкий, словно гвоздь в кишки воткнули и поворачивают, поворачивают. Потом бах – и отпускает, зато тошнота появляется, а после опять хорошо.

– Может, ты беременна?

– Нет, – прошептала Ната, – аборт по глупости в семнадцать лет сделала, не могут у меня дети появиться.

– Апендицит?

– Вырезан давно.

– Тогда гастрит или холецистит?

– Ты врач?

– Нет, просто иногда приходится листать «Справочник терапевта».

– Можно посижу пару минут?

– Конечно, – закивала я и, решив слегка развеселить Натю, спросила: – Хочешь анекдот расскажу?

– Ага, – выдавила из себя та.

– Ночью в квартире врача раздается звонок, сонный эскулап снимает трубку и слышит хорошо знакомый голос одного из его постоянных клиентов: «Доктор, немедленно приезжайте, у моей супруги приступ аппендицита». – «Это невозможно, – с плохо скрытым раздражением ответил мужик, – три года тому назад ей удалили отросток, у человека не бывает второго аппендикса». – «Зато у него бывает вторая жена», – заорали из трубки. Смешно?

– Да, – прошептала Ната и, закатив глаза, стекла по сиденью.

– Эй, – насторожилась я, – тебе плохо? Ответь.

Но попутчица молча полулежала в кресле, по ее лицу тек пот. Испугавшись, я схватилась было за телефон, но поняла, что нахожусь в двух минутах езды от большой клинической больницы, и рванула по проспекту, нарушая все правила дорожного движения.

В приемный покой я влетела с воплем:

– Скорей, человек умирает!

Сидевшая за столом женщина средних лет, заполнявшая какие-то бумаги, раздраженно сказала:

– Нельзя ли потише.

– У меня в машине тяжелобольная.

– Незачем так орать! По «Скорой» приехали? Где бригада?

– Ната в моей машине.

– Везите ее сюда.

– Она не может передвигаться самостоятельно.

Медсестра скривилась.

– Пьяную не возьму, впрочем, наркоманку тоже.

– Да вы что! – подскочила я. – Больница тут или невесть какое заведение? У Наташи схваткообразные...

Врачиха не дала мне закончить фразу.

– Это в роддом, – с огромным облегчением заявила она, – мы рожениц не принимаем.

Поняв, что с тупой бабой каши не сварить, я толкнула дверь с табличкой «Кабинет врача» и, провожаемая гневными воплями медсестры: «Стой, куда поперла?!», влетела в крохотное помещение.

На кушетке лежала юная женщина, около нее с какой-то стеклянной трубкой в руках стоял мужчина в синей хирургической пижамке.

– Ай! – взвизгнула больная и, мгновенно сев, попыталась прикрыться висевшим на спинке стула платьем.

– Безобразие! – с чувством произнес доктор. – Убирайтесь вон!

Но я уже вцепилась в его руку и, не отпуская ее, принялась говорить о потерявшей сознание Наташе.

Надо отдать должное врачу, он не стал мямлить и терять время, коротко сказав голой тетке: «Подождите секундочку», медик вышел во двор, влез в мои «Жигули», окинул взглядом судорожно дышащую Наташу, выхватил из кармана черную коробочку с антенной и начал раздавать указания. Не прошло и пары минут, как началась суета. Словно по мановению волшебной палочки возникла каталка, и две симпатичные девочки в обтягивающих халатиках увезли бездыханную Натю внутрь коридора.

– Что с ней? – испугалась я.

– Пока не знаем, – сухо ответил врач. – Ступайте к Нине Николаевне, нужно оформить документы.

Я вновь оказалась около неприветливой медсестры, только на этот раз она имела на лице человеческое выражение.

– Уж простите, – принялась извиняться Нина Николаевна, – я сразу не поняла, что человеку плохо, к нам ведь всех волокут, мы и привыкли, что если не «Скорая» доставляет, то либо белая горячка, либо наркоман.

Я не стала воспитывать медсестру, просто сообщила все известные мне о Наташе данные, оставила ее домашний телефон и уже собралась уходить, но тут Нина Николаевна воскликнула:

– Теперь ваши координаты!

– Зачем?

– Так положено, если не «Скорая» доставила, то я обязана записать все о том, кто привез больную.

– Пожалуйста, пишите, мне скрывать нечего, – пожала я плечами.

...Дома после всех невзгод я оказалась поздно, распахнула холодильник и пригорюнилась: пусто. За хозяйством у нас следит Томочка, она готовит всякие вкусные блюда, стирает, гладит. Я хожу за продуктами и убираю квартиру, честно говоря, не люблю делать первое, а второе просто ненавижу, но совесть не позволяет взваливать на хрупкие плечи подруги все бытовые тяготы. Впрочем, Тamarочка давно говорит:

– Вилка, ты работаешь, приносишь в дом деньги, а я ничего не делаю.

Только я очень хорошо знаю, сколько времени и сил отнимает это «ничегонеделанье» домашней хозяйки, поэтому не разрешаю Томочке шляться на рынок и в супермаркет. Каждый понедельник подруга вручает мне список, где подробно указано, сколько и чего нужно приобрести. Я тупо слеую указаниям, никогда не проявляя творческой инициативы. Если Томочка написала: гречневая крупа, ядрица, производства фирмы «Русская ложка», то буду искать именно подобную. Если на прилавках я увижу идентичный продукт, но под маркой «Русский половник», то ни за какие коврижки не возьму его. На первый взгляд вся гречка выглядит одинаково, но Томочка лучше знает, из чего получится вкусная каша.

Беспрекословно слушаться подругу я стала после одного случая. Пару лет назад, вручая мне очередной список покупок, она сказала:

– Молоко бери только обезжиренное.

– Угу.

– Масло лучше всего сделанное в Вологде.

– Ага.

– И шоколад наш, не импортный.

– Хорошо.

– Макароны только «Макфа».

– Италия, да.

– Нет, Россия.

Я хихикнула.

– Томуся, это уже смахивает на квасной патриотизм, что, ничего иностранного нельзя?

Тут из кухни понесся свист чайника, Томочка побежала на звук со словами:

– Пожалуйста, только по списку, я сейчас пойду в школу, на родительское собрание, вернусь и сделаю макароны болонез.

Я отправилась в супермаркет, прошлась со списком вдоль рядов и купила все, что заказала Томочка. Макароны оставила напоследок. Но сил бродить уже не было, и я решила, что

беды не будет, если схвачу любую пачку из представленных в продаже. Макароны они и в Африке макароны. Ну какая между ними разница?

Вернувшись домой, я разобрала сумку, быстро вскипятила воду и закинула туда сухие палочки. Сейчас сварю спагетти и, когда Томочка вернется, скажу:

– «Макфу» приготовила.

Стопроцентно она не заметит разницы. Очень довольная собой, я отправилась в ванную; на пачке написано: «Варить 10 минут», успею помыться.

Плескаясь над раковиной, я услышала голос Олега:

– Покушать есть чего?

Мыло попало в глаза, я взвизгнула.

– Так ужин где? – не успокаивался супруг.

– На плите, – пытаюсь смыть с лица гель, пробормотала я, – там, в кастрюле. В общем, сам разберешься, я сейчас закончу и приду.

Куприн ушел, а я, думая, что муж отбросит макароны на дуршлаг, не торопясь привела себя в порядок. Через четверть часа появилась на кухне. Как раз в тот момент, когда Олег что-то вываливал на тарелку.

– Ничего кашка, – сказал он, – пресновата слегка, но с джемом сойдет. Она из чего, никак не пойму. Перловка? Больно мягкая. Геркулес? Вообще-то не похоже, ты что сварила?

– Макароны, – растерянно ответила я, глядя на малоаппетитную серо-белую массу, и впрямь смахивающую на кашу.

– Спагетти?

– Да.

– А почему они такие жуткие? – воскликнул Олег. – Ну и гадость! Я думал, каша-размазня!

– Не знаю, – пробормотала я, – ты что с ними сделал? Толкушкой мял?

– Когда я пришел, они уже такие были! Интересно, почему?

– Потому что Вилка схватила не то, что я ей заказывала, – сообщила, входя в кухню, Томочка, – ведь не зря я сказала: «Макфу» бери! Так и знала, что не послушаешься, и купила сама пачку. Вот, глянь!

– Ну и в чем отличие этих макарон от других? – взвыла я.

– Во всем, – вздохнула Томочка, – макароны разные. Читай, что написано на упаковке «Макфы».

– Сделано из твердых сортов пшеницы.

– А теперь вторую посмотри, ту, что сама купила.

– Произведено из мягких сортов.

– Вот! Потому они и разварились! А из твердых – не развариваются. Уловила разницу? И еще, от таких не потолстеешь. Софи Лорен всем говорит, что каждый день лопает пасту, и какая у нее фигура! Маленький секрет: она ест лишь то, что сделано из твердых сортов пшеницы, как «Макфа».

– Знаешь, – из чистого упрямства заявила я, – можно не обожаемую тобой «Макфу» брать, а итальянский продукт! Италия – родина макарон, там плохо не сделают.

Томочка потрясла пустой упаковкой.

– Так ты и купила Италию. Очень часто к нам сплавляют не самый лучший товар, надеются на неопытных покупателей, ну не приучены наши люди надписи на пачках читать. И потом, итальянские значительно дороже «Макфы», потому что везут издалека. Получается, что ты приобрела задорого дрянь, а могла купить хорошие и подешевле. Просто тебя остановило то, что «Макфу» делают в России. Да, наши товары порой не отличаются качеством. Допустим, машины, ну не сравнить их с иномарками.

– Это верно, – живо встрял Олег, – наши автомобили просто конструктор для взрослых, набор гаек и болтов.

– Но ведь глупо не видеть правды, – не обращая внимания на Куприна, проговорила Томочка, – Вилка, не упорствуй зря. Российское не значит плохое. Давай я приготовлю «Макфу», и ты попробуешь, какая она вкусная.

Я устыдилась и с тех пор всегда слушаю Томочку, покупаю лишь то, что она велит.

Но сейчас подруга на даче, я давно не пополняла припасы, а методично уничтожаю то, что было в шкафчиках, и вот теперь настал момент, когда перед глазами распростерлись пустые полки.

Уставившись в шкафчик, я призадумалась. С одной стороны, хочется есть, с другой, лень выходить на улицу, с третьей, если меньше лопать, то талия станет, как у Гурченко, но, с четвертой, жрать хочется невыносимо. Вздохнув, я решила пойти на компромисс: сейчас переоденусь в джинсы, смою с лица надоевший макияж, выпью пустой чай и, если голод не утолит сладкая вода, пойду на проспект. Кстати, похоже, сахара тоже нет.

Вдыхая, я пошла в ванную, открыла воду, с наслаждением умылась, провела ладонями по щекам, дотронулась до ушей и вскрикнула от боли: правую мочку словно дернуло током.

Быстро промокнув лицо, я глянула в зеркало. Правое ухо чуть распухло и покраснело, виной тому явно была клипса, прикрепленная мною для большей схожести с Бусиновой.

Проклинаю креативное решение, я попыталась избавиться от украшения, но потерпела неудачу. Зашелка клипсы, по непонятной причине утыканная мелкими зубчиками, намертво впиалась в мочку.

Злая как мурена, я вышла из квартиры и понеслась на проспект. Впрочем, нет худа без добра, сейчас устрою продавщице, всучившей мне бижутерию, вселенский скандал, заставлю ее отцепить «красотищу», а потом в качестве награды за суетный, нервный день куплю себе разных вкусностей: кусок шоколадного торта, брикет сливочного мороженого... Нет, прежде отправлюсь в гастрономический отдел.

Обдумывая список разносолов, я подбежала к прилавку, где утром приобрела воду в купе с другими мелочами, и, ткнув пальцем в свое ухо, воскликнула:

– Девушка, это что?

– Голова, – лениво ответила продавщица.

– Не о ней речь! Сбоку чего висит?

– Где?

– Вот!

– Вы о чем?

– О клипсе! – теряя остатки самообладания, заорала я. – Что за дрянь вы мне продали!

Сначала еле ее надела, теперь снять не могу.

Торговка захихикала.

– Ничего смешного не вижу, – окончательно вышла я из себя, – немедленно отцепите! Иначе... иначе... иначе...

Слова иссякли. Да и чем я могла напугать продавщицу.

Девушка подавила смешок.

– Ведь сказала вам про выставки животных, которые тут в двух шагах проходят, так вы слушать не стали!

– Дорогуша, – процедила я сквозь зубы, – мне совершенно непонятен ход ваших мыслей. С какого рожна вы заываете меня любоваться на собак и кошек? И при чем тут клипсы отвратительного качества, впившиеся в ухо?

– Вот, – с укоризной отметила торговка, – снова меня перебиваете, если всегда так себя ведете, то неудивительно, что попадаете в дурацкие истории. Следует хоть иногда слушать других людей.

Я затопала ногами.

– Хватит трепаться! Немедленноними эту дрянь с моего уха.

Холодные пальцы прикоснулись к мочке, на секунду боль стала совсем невыносимой, потом девушка положила на прилавок украшение и констатировала:

– Да уж, прямо до крови разодрало, надо перекисью промыть и йодом помазать.

– Надо тебе по лбу настучать за продажу некачественного товара! – окончательно вышла я из себя.

– Клипсы суперские!

– Ага! Посмотри на мое ухо!

– Так их не для вас делали, – пошла в атаку девушка, – не знаете, а лаетесь.

– Ну-ка, милочка, немедленно покажи, где на этой упаковке указано, что серьги нельзя носить Виоле Таракановой? Остальные покупатели спокойно вынесут пытку колючками? – рас- свирепела я. – Имей в виду, я так это дело не оставлю. Завтра же пойду жаловаться!

– Куда?

– Не волнуйся, найду адрес!

– Ступайте хоть в ООН, – заржала девчонка, – только опозоритесь! Дурой покажетесь! Сережки-то для собак!

Я даже сделала шаг назад.

– Что?

– Здесь рядом часто выставки проходят, собачники с кошатниками люди психованные, за-ради любимчика на все готовые, охота им потом медалями хвастаться! Вот мы и притор- говываем аксессуарчиками. Глядите, браслетики на лапки, цепочки на шею, – словоохотливо объясняла девица, – а клипсы эти для пуделя или йоркшира предназначены, их в уши встав- лять не надо, за шерсть цепляются, оттого прибабасы и с зубчиками, чтобы не выпали. Я как увидела, что вы на себя примеряете, прямо офигела!

– Почему же не остановили покупательницу?

– Так я начала про выставку рассказ, а вы слушать не стали: какое, думаю, мне дело? Охота вам в пуделячьих украшениях рассекать, флаг в руки. Деньги заплатили – и вперед.

Не найдя никаких возражений, я пошла домой, уже войдя в квартиру, вспомнила, что так и не купила никакой еды, обозлилась на себя и легла спать. В конце концов, почивающего чело- века голод не мучает, и вообще, все, что ни случается, случается к лучшему, на ночь вредно наедаться.

Утром я села к столу и усталилась на чистый лист бумаги. Новую рукопись следовало сдать через три недели. С одной стороны, срок большой, с другой, если учесть, что написать надо 350 страниц, то понятно, – времени нет. Нужно упорно работать, но, как назло, в голову ничего не лезло, кроме фразы «Жил-был Иван-царевич...».

Промаявшись до полудня, я решила, что виновник моего творческого кризиса – голод, и собралась пойти в ларек за булочками. Но не успела я выйти в прихожую, как раздался звонок. Я схватила трубку.

– Аллю.

– Добрый день, не разбудил? Анатолий Голубев вас беспокоит.

– Что вы! – бодро воскликнула я. – Мы, писатели, ранние пташки, еще солнце не взошло, а уже сидим и строчим рукопись.

– И как долго длится рабочий день?

– Ну... часов до пяти.

– Душенька, нам надо встретиться.

– Зачем?

– Обсудить сценарий, но боюсь вам мешать, пишите, кошечка.

Я подскочила на месте. Больше всего хочу, чтобы кто-нибудь сейчас вытащил меня из-за стола, вот тогда я со спокойной совестью брошу неначатую рукопись. Не надо думать, что госпожа Тараканова лентяйка, рада бы ваять роман, только неотложные дела оторвали от стопки бумаги.

– Кино очень важная вещь, поэтому я сейчас все отложу.

– Вы ангел! Где столкнемся? В пятнадцать ноль-ноль устроит?

– Право, мне все равно! И место выбирайте сами.

– Не затруднит вас подъехать в наш офис?

– А где он находится?

– Самый центр, очень удобно. Только вы ведь, наверное, на машине?

– Естественно, – хмыкнула я, – звезды на метро не ездят.

– Давайте запишу номер, – засуетился Анатолий, – сами знаете, какая проблема с парковкой, резервируем для VIP-гостей места.

Ощувив себя в одной шеренге с Бусиновой и Смоляковой, я распахнула шкаф. Что надеть? Поверьте, этот вопрос намного серьезнее, чем «Что делать?» и «Кто виноват?». К сожалению, передо мной не столь уж богатый выбор! Но можно залезть в комод к Кристе и поворошить вешалки в гардеробной Томочки.

И тут снова зазвенел телефон.

– Слушаю, – пропела я.

– Виола Ленинидовна Тараканова?

– Да.

– Вас беспокоит зав реанимационным отделением Козырькин Максим Михайлович.

– Что случилось? – воскликнула я, ощущая, как дрожат ноги. – Говорите скорей!

– Вы вчера доставили в нашу больницу Еремину Наталью.

– Да.

– Она скончалась.

– Господи!

– Приезжайте.

– Зачем?

– Тело надо забрать, – пояснил доктор, – мы не можем его у себя долго держать.

– Простите, мне очень жаль умершую женщину, только я не имею к ней никакого отношения. Познакомилась с Натой случайно, подвезла из Буркина в Москву, потом пассажирке стало плохо, собственно говоря, это все.

– Но вы сообщили ее данные!

– Правильно, мы разговорились, обменялись телефонами, позвоните ее мужу Андрею.

– И имя супруга знаете, – протянул медик, – скажите честно, просто не хотите заниматься похоронами, вот и придумали сказки!

– Глупости! Мы чужие друг другу люди!

– Но при этом вы в курсе ее семейного положения, знаете, как зовут мужа, – не успокаивался Козырькин.

– Ничего странного, мы всю дорогу болтали. А что случилось с Наташей? Отчего она умерла?

– К чему ненужное любопытство, – тоном замороженной селедки ответил Максим Михайлович, – если, как вы утверждаете, являетесь совершенно посторонним человеком, то и подробности вам знать не следует.

Глава 8

К офису «Шарашкинфильма» я прибыла в четырнадцать тридцать и слегка рассердилась на себя. Настоящая звезда должна опаздывать, а не являться как дворняжка за полчаса до назначенного времени. Ладно, посижу в машине, послушаю радио, тем более что у самого входа есть свободное местечко. Но не успели «Жигули» удобно устроиться около тротуара, как появился мужчина, одетый в ливрею, и категорично заявил:

– Уезжайте.

Обратись швейцар ко мне вежливо, произнеси он фразу типа: «Извините, пожалуйста, но это место зарезервировано для другого человека», я бы спокойно убралась прочь, но наглый тон лакея вынудил меня ответить адекватно:

– И не подумаю.

– Отваливай.

– Почему?

– Тут нельзя стоять.

– И где запрещающий знак?

– Я вместо него.

– Что-то не вижу на твоём лице красной полосы!

Привратник посинел.

– Укатывай, убогая.

– Сам отвали.

– Глянь вокруг, чмо! Здесь парковка «Шарашкинфильм», сплошь звездные тачки, убирай раздолбайку, иначе хуже будет!

– Даже не пошевелюсь!

– Ща эвакуатор позову.

– Права не имеете, да и не станет ГАИ заморачиваться, – спокойно ответила я.

– Эвакуатор свой есть, – прошипел прислужник, – в последний раз спрашиваю: отвалишь?

– Нет, – рявкнула я и, тут же вспомнив беседу с Голубевым, хотела сказать, что руководство «Шарашкинфильм» зарезервировало Арине Виоловой парковку.

Но я не успела произнести заветную фразу, швейцар вытащил из кармана складной нож и ровно за секунду проткнул покрышки.

– По-хорошему не хотела, – засмеялся он, – теперь по-моему будет. Ща эвакуатор оттащит, колесики прокололися, ай, беда! Неисправная тачка подлежит увозу с Тверской! Распоряжение самого мэра!

Я вылетела из машины и услышала радостный вскрик:

– Арина! Вы! Замечательная пунктуальность!

От шикарного «Мерседеса» шел Анатолий.

– Точность – вежливость королей, – воскликнул продюсер, – право, редкое качество в наше время! Чем вы расстроены?

– Ваш парковщик проткнул колеса моей машины!

Голубев замер.

– Кто?

– Он! – показала я на опешившего швейцара.

– Ваши покрышки?

– У меня нет резины! Речь идет об автомобиле!

Анатолий всплеснул руками.

– Господи! Урод! Как посмел! Ариночка, солнышко, не волнуйтесь, пока обсудим дела, «Бентли» обуют, или вы ездите на «Лексусе»? Вон тот, серебристый, ваш?

– Нет! У меня «Жигули»!

Продюсер уставился на ржавую «лошадку».

– Этот ме..., – начал он, но вовремя спохватился, закашлялся и сумел исправить ситуацию, – ... таллический автомобильчик?

– Ну не бумажный же! – ехидно отозвалась я.

– Ваня, Сашка, Петька! – затопал ногами Голубев и, когда три парня в темных костюмах явились на зов, перешел в диапазон ультразвука. – Чтоб этот ме... то есть «Лада», была немедленно приведена в лучший вид, колеса новые, руль, кресла, педали... не знаю, что еще, живо, кретины! Парковщика убить, расчленить, закопать в навоз, руки ему оторвать, ноги, голову в... засунуть! Живо! Чего встали! Выполняйте! Всех расстреляю! Арина, солнце мое, душенька, ангел, кошечка, зайнька, пингвинчик сизокрылый...

Продолжая присюсюкивать, Анатолий втолкнул меня в лифт, который поднялся на шестой этаж. Продюсер усадил меня в кабинете, велел длинноногой блондинке подать кофе, чай, газировку, кефир, молоко, сливки, доставить из ресторана обед вкупе с десертами, упал в кресло, вытер лоб платком и простонал:

– Боже! Кругом одни свиные рожи! Я не способен всех воспитать! Нормальных людей просто не осталось! Одни болваны!

– Не переживайте так, – улыбнулась я.

– Вы ангел! – приободрился Голубев. – Чистый, светлый херувим, талантливый, гениальный...

Поток хвалебных речей прервал стук в дверь.

– А вот и ваш режиссер, – радостно потер руки продюсер, – входи, Сигизмунд.

В кабинет втиснулось странное существо ростом чуть повыше нашей собаки Дюшки. Тонкие ножки мужчинки были обтянуты грязными рваными джинсами. Конечно, сейчас в моде «бомжеватость», и в самых дорогих магазинах вы увидите на вешалках настоящую рванину за невероятные деньги. Только штаны режиссера потеряли приличный вид, так сказать, естественным путем, очевидно, Сигизмунд ползал пару недель по помойке кирпичного завода, вот брюки и приобрели дырки вкупе с пятнами рыже-коричневого цвета. Хотя, может, я ошибаюсь? Вдруг постановщик крутился около бачков заведения быстрой еды и извоzilся в кетчупе?

Впрочем, и майка у него не лучше, а отсутствие бицепсов парень компенсирует прической, его треугольное личико прикрывают длинные клокастые пряди, коим мог бы позавидовать шнуровой пудель.

– Это Сигизмунд, – воскликнул Голубев, – он снимал «Москва в крови», «Семеро с винтовкой», «Собака-убийца» и «Пикник с бензопилой». Все сериалы супер! Гизя мастер приковывать зрителя к экрану. Да, мой дорогой?

Гизя издал нечленораздельный звук и топнул рваной, заляпанной грязью кроссовкой.

– А это Виола, автор супербестселлеров, от которых тащится вся страна, – закатил глаза продюсер, – когда две звезды сталкиваются, то...

– Давай по делу, – прохрипел Гизя, – значитца, по сценарию, серий до фига, материала мало, надо дописывать.

– Хорошо, – быстро кивнула я.

Режиссер с любопытством взглянул на меня.

– Лады! Главного героя обеспечиваем бабой, а то эротики не будет! Касса не поперет.

– Простите, – напомнила я, – в моей книге действует женщина Света.

– Не канает.

– Не поняла.

- Мужик будет! Баба не хиляет, на нее не пойдут. Делаем из Светы Павла. Лады?
- Ну...
- Согласна? Хорошо, – кивнул Гизя, – тебе, главное дело, мне не мешать, иначе дерьмо выйдет. Значитца, Павел! Ему необходима любовница! Негритянка!
- Я заморгала.
- Э... э...
- Чернокожие пока у нас редкость, – принялся теребить сальные волосы Гизя, – подберем конфетку, пару сцен в постели, потом прирежем ее. Классная картинка получится: белая простыня, черная герла, красная кровь! Супер! Тарантино отдыхает!
- Но... – попыталась возразить я.
- У Павла будет брат, – стукнул кулаком по столу Гизя, – китаец! Сейчас мода на Восток. Воспользовавшись тем, что постановщик вцепился в бутылку с водой и стал жадно глотать, я влезла со своим замечанием.
- Нелогично!
- Че? – удивился Гизя.
- Павел россиянин, а его брат из Поднебесной?
- И чего?
- Так не бывает!
- Почему?
- Как следует отреагировать на идиотский вопрос?
- Хочешь классный сериал с чумовым рейтингом и отпадной долей? – резко вскочил на ноги Гизя.
- Да, – честно призналась я, не слишком поняв смысл последних слов Сигизмунда. Кто такая доля? Чья она? Моя или его?
- Тады молчи! Брат китаец, и точка! Никто объяснений не потребует, хотя можно упомянуть, что мамаша Павла непутевая баба, спала со всеми.
- Значит, Павел и китаец сводные братья? Во всяком случае, отцы у них должны быть разными, – вновь сказала я.
- Ты мне надоела! Скачем вперед! Действие происходит в Калифорнии.
- Где?
- В США, куда Павел приехал, чтобы выручить брата, попавшего в тамошнюю тюрьму.
- Где-то я уже видел подобное, – с сомнением вымолвил Анатолий.
- Ништяк! Народ от америкосов прется! – не дрогнул Гизя. – Ну и там завертится! Украденная ядерная кнопка! Угроза мировой цивилизации.
- Но в моей книге ничего такого нет!
- Кино не литература, мы высокое, динамичное искусство, а не зудятина! Все пойдет супер, Павла сцапает динозавр!
- Кто? – чуть не упала я в обморок.
- Такие ам-ам, большие ящеры с зубами и хвостами, неужели никогда о них не слышала? – изумился Гизя. – Динозавры классная фишка, хотя, конечно, мы бедные, не можем, как Спилберг, миллионы на реквизит потратить. Но ничего, вывернемся. Ну, круто складывается. Победив чудовищ, Павел вытащит Ли из тюрьмы.
- Ли – это кто? – окончательно потеряла я нить разговора.
- Сигизмунд заморгал, потом снова схватил бутылку с минералкой, опустошил ее и, бормотнув: «Сушняк замучил», повернулся к Голубеву.
- Если она бухает, как Мотылин, я работать не стану, хватит, намаялся с алкоголиком. Ну почему писатели вечно под газом? Слышь, Толя, попроси еще водички принести.
- Я вообще не употребляю спиртное, – опешила я, – не обладаю никакими дурными привычками.

– Ой, беда, беда, – затряс грязной головой Гизя, – значит, у тебя болезнь этого, забыл, как его, Ольм... Альм... Гайм... Ну когда человек ничего не помнит.

– Альцгеймера, – вырвалось у меня, – но с какой стати вы сейчас вспомнили об этом недуге?

– Да только что объяснил, Ли китаец, брат Павла, – хватая принесенную секретаршей бутылку с водой, брякнул Гизя, – один из главных героев сериала, а ты глазами хлопаешь и вопросик суперский задаешь: «Это кто?» За фигом тогда я тут распинаюсь, фонтанирую идеями, концепцию выкладываю, коли автор в наркозе?

Я растерянно посмотрела на Голубева, а тот быстро заулыбался.

– Дети, дети, не ссорьтесь, папа всем даст конфетки. Гизя, огурчик наш, продолжай. Арина просто никогда не связывалась с кинопроизводством, не знает специфики.

– Ладно, – кивнул Сигизмунд, – повезло вам, неконфликтный я. Ли выходит из тюрьмы. Ты помнишь, кто он такой?

– Китаец, брат Павла, – машинально ответила я.

– Сработаемся! – хлопнул в ладони Сигизмунд. – Просекла фишку! Молодца! Вижу сцены в деталях! На площади стадо перебитых динозавров, переступая через окровавленные трупы, идет Павел, за ним, пошатываясь от усталости, в разорванной одежде, с обнаженной грудью двигается Сьюзен.

– А это кто? – подскочила я и тут же прикусила язык, но Гизя неожиданно мирно ответил:

– Сью? Негритянка, любовница Павла!

– Так ее же убили на белых простынях.

– Это вначале, во второй серии, а я сейчас повествую уже десятую.

– Но она умерла, – тупо повторяла я.

– И что? Народ не любит, когда герои погибают, – пожал плечами Гизя. – Эка сложность!

Сначала тапки отбросила, потом воскресла! Очень просто! Инопланетяне!

– Простите?

– О боже! Прилетели представители другой Галактики и оживили Сью! Сплошь и рядом такое, право, даже неинтересно вдаваться в столь малозначительные детали! Ладно, следи за моими рассуждениями! По площади, расталкивая ногами трупы динозавров, идет Павел...

– Невозможно.

– Теперь что не так?

– Ящеры, насколько я знаю, были гигантскими, их тела с места и грузовиком не сдвинуть!

– Впереди высится мрачное здание тюрьмы, – абсолютно проигнорировав мое замечание, продолжал Сигизмунд, – взлетает самолет, из него...

– Маловероятно!

Гизя начал краснеть.

– Опять недовольна?

– Динозавры жили в прошлые века, а летательные аппараты человечество придумало относительно недавно. Тут нестыковка: либо птеродактили, либо «МИГи», вместе им не встретиться!

Гизя почесал шею и рявкнул:

– Ты не даешь людям высказаться! Естественно, я опустил лишние детали! Или хочешь услышать изложение сорока серий? Этак мы за год не управимся! Ясное дело, Павел – ученый, он в своей лаборатории изобрел машину времени, полетел на ней в прошлое, чтобы добыть лекарство от СПИДа для своей смертельно больной дочери. Крошке перелили в больнице кровь; когда делали онкологическую операцию, опухоль удалили, но занесли иммунодефицит. Павел хочет спасти ребенка, он знает, что мудрый предводитель динозавров, дракон Ге, имеет микстуру от СПИДа, и отправляется к нему вместе со Сью. Ясно?

– Ага, – обалдело закивала я, – а Ли?

– Он брат Павла, китаец. Неужели ты не способна запомнить такую простую информацию? – возмутился Гизя.

– Я просто хотела уточнить, куда делся ближайший родственник Павла!

– Ли сидит в тюрьме, – заорал Сигизмунд, – его туда поместили по ложному обвинению в краже ядерной кнопки. На самом деле чемоданчик скоммуниздила Мадлен.

– Кто???

– Мадлен, жена Павла.

– А Сью? Негритянка Сью, она кто?

– Любовница, – затопал ногами Гизя, – у тебя голова деревянная? Все проще некуда! Павел имеет жену, русскую, белую, она плохая! И любимую, она хорошая, черная! Это политкорректно! Мадлен дерется со Сью на шпагах, а тут прилетает дракон Ге с лекарством для Анны.

У меня закружилась голова. Сигизмунд немедленно замолчал, Голубев тоже сидел тихо, оба мужчины уставились на меня не мигая, через секунду я ощутила себя кроликом, на которого нацелились сразу два удава, и попыталась с достоинством выйти из создавшегося положения.

– Простите, конечно, но в моей книге рассказана история женщины по имени Света, которая выходит замуж за одинокого интеллигентного мужчину и потом совершенно случайно выясняет, что он серийный убийца... Никаких чудовищ, негров, больных СПИДом там нет. Может, конечно, Светлана слегка экстравагантна, но это все, что можно...

– Толя, – капризно протянул Гизя, – я отказываюсь! Не мой автор! Она вязкая, непонятливая, не чуткая, не креативная! Хочет, чтобы дословно перенесли книгу на экран!

– Тише, мой золотой, успокойся, – завел Голубев.

– Нет, нет, пусть ее экранизирует Федьсин.

– Никогда, только ты, помидорчик мой!

– Нет! Ни за что!

Голубев встал и, подойдя к Гизе, нежно сказал:

– Котенок, ступай к Люсе.

– А что, уже дают гонорарные? – оживился постановщик.

– Тебе выписали!

Забыв попрощаться, Сигизмунд ринулся в коридор. Когда за ним захлопнулась дверь, Анатолий крикнул и упал в кресло.

– Он сумасшедший? – лягнула я.

Продюсер улыбнулся.

– Гизя человек увлекающийся, к нему надо привыкнуть. Но он умеет делать рейтинговые сериалы. Ариночка, будем откровенны, открою перед вами наши карты. Люди устали от тиражирования на экранах одних и тех же лиц. Вот, допустим, Алиса Кислова, замечательная актриса, спора нет, но куда ни плюнь, там она. Зрителю хочется новых имен, и есть, поверьте, имеется замечательная молодежь, но... Режиссеры берут только раскрученных, а звезды выпендриваются, растопыривают пальцы и намерены работать лишь за бешеный гонорар либо в блокбастерах. Да и сценариев хороших нет. Вот мы и решили пойти на эксперимент. Возьмем юного, стремительно набирающего вес автора, Арину Виолову, соединим ее с незатасканными лицедеями и сделаем суперсериал. Ваше издательство пообещало рекламную поддержку. Гизя возьмется за постановку. Фантастика! И еще, после выхода ленты вы звезда. Хотите большие гонорары, славу, почет, уважение?

– Да, – честно призналась я.

– Значит, вы нужны нам, а мы вам!

– Но почему именно я? Есть же Смолякова.

– По ней уже снимают.

– Бусинова!!!

– И она при студии! Остались лишь вы, нам пришлось брать, что дают! – буркнул уставший Голубев, потом спохватился. – Душенька, вы сейчас в изумительном положении, звезда загорающаяся, а не чадящая, все впереди. Гизю я придержу, мы сработаемся, лады? Ну подумайте сами, премии, кинофестивали, гонорары... О'кей, красавица, не волнуйтесь, от вас много не потребуется. Эй, Аня, проводите нашего лучшего автора до машины!

Глава 9

На площади у входа в «Шарашкинфильм» метался уже другой парковщик, молодой парень в зеленой жилетке. Я окинула взглядом ряд машин и растерянно спросила у юноши:

- Я оставила «Жигули», такие грязные...
- Номер подскажите, – весьма вежливо отреагировал служащий.
- Восемьсот тридцать.
- Вы Арина Виолова?
- Верно.
- Ваш автомобильчик на самом VIPовском месте, прямо перед подъездом.
- Где?
- Вот.
- Не вижу.
- Да вы стойте перед ним.

Я глянула на ряд машин, потом еще раз очень внимательно осмотрела парковку и увидела притулившиеся около тротуара «Жигули». Чьи-то трудолюбивые руки отмыли мою коняшку от многодневной грязи и натерли ее до блеска. Но этого неведомым волшебникам показалось мало. Бока давно не нового произведения отечественной промышленности украсили никелированными полосками, на крыльях появились большие зеркала, а передний и задний бамперы теперь прикрывали решетки. Но круче всего смотрелись колеса, высокие, толстые, с диковинными спицами.

Я уставилась на номер – «830». Потом пару раз обошла машину кругом, села наконец внутрь и обнаружила на креслах чехлы из молочно-бежевой замши и красные коврики, такая же, только алая оплетка покрывала и руль, а бомбошка, венчавшая ручку переключения скоростей, сразила меня наповал. Вместо пластмассового кругляшка там сверкала голова собаки, сделанная, похоже, из серебра. И пахло теперь в «Жигулях» тонким ароматом дорогого одеколona, кто-то прикрепил в салоне ароматизатор, да не дешевую картонную «елочку», а эксклюзивный вариант, предназначенный для роскошных иномарок.

В легком обалдении я включила мотор, парковщик, вытянувшись, отдал мне честь; едва не задев бордюр тротуара, машина выехала на проспект, и тут раздался звонок мобильного. Я аккуратный водитель, поэтому всегда пользуюсь устройством «хандс-фри».

- Алло, – закричала незнакомая женщина, – позовите Тарakanову.
- Я слушаю вас.
- И вам не стыдно?
- Простите, не поняла.
- Совесть имеете?
- Кто вы и что хотите?
- Думаешь, самая хитрая, да? Привезла и сбaгрила? Не выйдет номер, – орала тетка.

У меня зазвенело в ухе, пришлось припарковаться и попытаться разобраться в ситуации. Через несколько минут, несмотря на очень злую и нервную речь собеседницы, я сумела-таки понять суть дела.

На том конце провода висела некая Зинаида Андреевна, сотрудница клинической больницы, где скончалась Ната. Зинаида была абсолютна уверена, что госпожа Виола Тараканова является близкой родственницей Ереминой. По мнению звонившей, я привезла Наташу к врачам, а теперь, узнав о ее смерти, не желаю заниматься похоронами, тратить деньги и притворюсь чужим человеком.

- Сколько вас таких, гадов, – возмутилась Зинаида, – постыдилась бы!

– Я не имею никакого отношения к Ереминой, уже объяснила ситуацию главврачу! Позвоните супругу Наташи, – попробовала я вразумить Зинаиду, но та пошла вразнос и стала выдавать совсем уж немыслимый текст:

– Надоели! По трое в неделю! В прошлую пятницу бабку кинули, потом мужика, теперь ты нарисовалась!

– Но...

– На работу сообщу!

– Я не работаю.

– А-а-а! Понятненько! Все вы такие, пьяницы! Хорошо, на дом тело привезу и на лестнице положу! – взвизгнула Зинаида. – Если сегодня до двадцати трех ноль-ноль ко мне не явишься... то... то... Лучше тебе прийти и миром дело уладить!

Трубка квакнула и замолчала, я потрясла телефон, но из него не доносилось ни звука, аппарат скончался. То ли не выдержал бурю эмоций Зинаиды, то ли я опять забыла бросить деньги на счет. Наверное, надо сейчас купить... Ту-у-у-у, – послышалось из мобильного. Я обрадовалась, значит, все в порядке, связь не оборвалась навсегда, она просто временно дала сбой.

Поколебавшись несколько секунд, я набрала домашний номер Наты и услышала тихий голос умершей женщины:

– Здравствуйте, сейчас мы не можем ответить на ваш звонок, оставьте свои координаты после звукового сигнала или перезвоните по номеру: восемь девятьсот три...

Меня охватил ужас, Ната умерла, а голос ее живет и останется на земле вечно, если только запись не сотрут.

Я набрала другой номер, и из трубки незамедлительно донеслось:

– Андрей Еремин слушает!

Я, не ожидавшая столь скорого ответа, растерялась и промямлила:

– Простите, вы... э... Еремин?

– Да, Андрей, весь внимание.

Мне стало не по себе. Вы бы сумели огорошить ничего плохого не подозревающего мужчину фразой: ваша жена скончалась?

– Извините, но...

– Хотите встретиться, – деловито перебил Андрей, – у вас ремонт?

– Э... нет.

– Строительство?

– ... нет.

– Тогда зачем вам понадобился?

– Ну... в общем...

– Отделочные работы?

– Да, – ответила я, – да, да, причем очень срочно, прямо сейчас.

Еремин хмыкнул:

– Так горит?

– Уже сгорело, – с жаром воскликнула я, проклиная себя за мягкотелость.

Ну зачем ехать на встречу с Андреем, надо сейчас сказать правду! Я собралась с силами.

– Андрей, пожалуйста, не волнуйтесь, я хочу...

Из трубки послышались свист и шум.

– О черт! – воскликнул Еремин. – Как вас зовут?

– Вилка.

– Я в данный момент не могу разговаривать! Налезо, тащи налево, сейчас просыпешь! Кафе «Лотарингия», в восемнадцать устроит?

Последняя фраза явно относилась ко мне.

– Да, – кляня себя за малодушие, ответила я, – говорите адрес, надеюсь, успею доехать, сейчас уже семнадцать тридцать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.